

Denis V. Kuzmin

Institute of Language, Literature and History, Karelian Research Centre of the RAS,
Petrozavodsk, Russia

Historical and Cultural Value of Place Names of the Karelian Village Kolvitsa on the Kola Peninsula

Voprosy onomastiki, 2022, Vol. 19, Issue 2, pp. 127–163

DOI: 10.15826/vopr_onom.2022.19.2.020

Language of the article: Russian

Кузьмин Денис Викторович

Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН, Петрозаводск, Россия

Историко-культурный потенциал топонимии карельской деревни Колвица на Кольском полуострове

Вопросы ономастики. 2022. Т. 19. № 2. С. 127–163

DOI: 10.15826/vopr_onom.2022.19.2.020

Язык статьи: русский

Downloaded from: <http://onomastics.ru>

ИНСТИТУТ
РУССКОГО
ЯЗЫКА
им. В. В. Виноградова
РОССИЙСКОЙ
АКАДЕМИИ НАУК

DOI 10.15826/vopr_onom.2022.19.2.020
УДК 811.511.112'373.21 + 811.161.1'373.21 +
+ 908(470.21)

Д. В. Кузьмин
Институт языка, литературы и истории
КарНЦ РАН
Петрозаводск, Россия

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ТОПОНИМИИ КАРЕЛЬСКОЙ ДЕРЕВНИ КОЛВИЦА НА КОЛЬСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ*

В статье рассматривается топонимия карельской деревни Колвица на Кольском полуострове, относившейся до мая 1938 г. к территории Карелии, а далее — к территории Мурманской области. Исследование проведено на основе исторических документов и современных данных, большая часть которых получена в результате экспедиций автора в Колвицу летом 2017 и 2018 гг. Главным направлением работы является соотнесение известных исторических сведений о Колвице с топонимическими данными, которые, как показано в статье, не только подтверждают, но и углубляют историческую информацию, позволяя реконструировать многие особенности жизни деревни в прошлом. Анализ начинается с ряда русскоязычных топонимов, которые функционировали еще до карельского освоения Колвицы (*Кандалакша*, *Колвицкая губа*, *Порьягуба* и др.). Большинство этих названий имеет саамское происхождение и, как показано автором, прошли многоступенчатую адаптацию, включающую переход из саамского в русский, потом из русского в карельский — а затем во многих случаях из карельского снова в русский, что связано с обрусением населения деревни в середине XX в. Далее подробно рассматривается карелоязычная топонимия, которая сохранилась достаточно хорошо. Особое внимание автор уделяет крупной группе названий с основами, указывающими на человека: восходящими к антропонимам (*Annin/oja* «Ручей Анны», *Kusmal'an/talo* «Дом Кузьмы» и др.), этническим наименованиям (*Lapin/niemi* «Лопарский мыс», *Ryysän/niemi* «Русский мыс»)

* Публикация подготовлена в рамках выполнения государственного задания КарНЦ РАН (ИЯЛИ).

и некоторым апеллятивам. Большое внимание в исследовании уделено также географическим терминам, функционирующим в топонимии деревни. Их анализ, направленный на историческую реконструкцию, позволяет утверждать, что карельское население Колвицы составляли, с одной стороны, переселенцы из Олангской волости, а с другой стороны — из волостей Вокнаволок, Кестеньга, Тихтозеро, Ухта.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Кольский полуостров; деревня Колвица; топонимия; антропонимия; географическая терминология; карельский язык; русский язык

Введение

Начало истории деревни Колвица связано с последним десятилетием XIX в., когда на территории Кандалакшской волости Кемского уезда в устье реки Колвица было основано одноименное карельское поселение¹. В 1910 г. оно состояло из восьми дворов, в которых проживали семьи Артемьевых, Архиповых, Пивоевых, Кундозеровых и Смоленниковых [ДР, 1910, 325–327]. Деревня быстро разрасталась: в 1911 г. в ней было уже 17 дворов карелов; кроме того, часть карело-язычного населения постоянно проживала на берегах Колвицкого озера — здесь по меньшей мере было три однодворных хутора: *Honkaniemi*, где жила семья Василия Артемьева, *Rissinšuari*, где жил Исак Прокопьев, и *Ant'uhhanlakši* [Визе, 1912, 742]. В 1921 г. существовал также выселок Вересручей (карел. *Katajaoja, Verešoja*), находившийся недалеко от впадения речки Колвица в Колвицкое озеро [Никольский, 1927, 17]. Более подробные статистические сведения о раннем этапе жизни деревни представлены ниже, в таблице.

Согласно сведениям наших информантов, деревня появилась в начале 1890-х гг., когда из располагавшихся на территории современной Карелии бывшей Олангской волости деревень Варталамбина (карел. *Vartielampi*) и Боровская (карел. *Kankahaini*) сюда переселились три двоюродных брата по фамилии Архиповы и семья Артемьевых. Подтверждение этому мы находим в путевых заметках В. Ю. Визе за 1911 г., где он отмечает, что данное карельское поселение появилось 20 лет назад [Визе, 1912, 742].

¹ Наряду с историческими документами в статье использованы полевые записи автора. Экспедиционные работы проводились в рамках проекта Петара Кехаева “Vanishing Karelian in Murmansk Oblast: Toward a comprehensive documentation and description” (Individual Research Project of Petar Kehayov, Deutsche Forschungsgemeinschaft, 01.05.2017–31.08.2020), целью которого являлось изучение формирования и угасания колвицкого говора собственно-карельского наречия на территории Мурманской области. В ходе экспедиций 2017–2018 гг. автором статьи были опрошены все жители д. Колвица 1930–1950-х годов рождения. Кроме исторических документов и полевых записей, в статье использованы данные топографических карт окрестностей Колвицы, материалы картотеки топонимов ИЯЛИ КарНЦ РАН [КТ КарНЦ] и словари карельского языка [KKS; СКНГТ].

Деревня Колвица по документам 1905–1933 гг.

Год	Количество дворов	Количество жителей	Количество карелов ²	Источник
1905	5	25	*25	[СНМАГ, 1907, 188]
1910	8	48	*48	[ДР, 1910, 325–327]
1911	17	не указано	все	[Визе, 1912, 742]
1918	33	158	*158	[СНМАГ, 1918, 6]
1921	37	189	189	[Никольский, 1927, 17]
1922	40	180	180	[СНМАГ, 1922, 188]
1926	51	207	183	[СНМ, 1928, 20]
1933	не указано	278 ³	237	[СНМ, 1935, 12]

Следует, однако, заметить, что до этого, как сообщают наши информанты — потомки основателей Колвицы, на месте будущей деревни располагалось несколько построенных карелами избышек-полуземлянок (карел. *muštapirtti*, букв. «черная изба»), которые использовались летом — во время рыбной ловли и других промыслов. Здесь же стояла небольшая часовня. Ежегодно путь на промыслы и обратно составлял около 700 км, и по причинам целесообразности основателями поселения со временем было принято решение жить в этом месте постоянно. В. В. Никольский, изучавший быт и промыслы жителей западного побережья Белого моря, в 1921 г. отмечал, что деревня Колвица появилась на пустовавших расчистках, располагавшихся в устье реки Колвица и принадлежавших ранее Кандалакшскому монастырю, позднее — жителям одноименной волости [Никольский, 1927, 14–15]. Из истории также известно, что на побережье Колвицкой губы Белого моря еще в начале XVIII в. существовала солеварница Кандалакшского монастыря; еще раньше Алай Михалков в писцовой книге 1608–1611 гг. сообщает о двух монастырских варницах в Колвинской губе [см.: Харузин, 1890, 461]. Сведения о Колвицком усолье мы находим и в письменных источниках более позднего периода: в документе 1705 г. в Колвицкой губе упомянуто усолье с двором и кельями, при котором имелось восемь лошадей и три дойных коровы [Александров и др., 2014, 8]. Видимо, именно в устье реки Колвица, на месте современной деревни, и находились те самые монастырские расчистки-покосы для прокорма домашнего скота, о которых упоминает В. В. Никольский, побывавший

² В отмеченных звездочкой (*) случаях указание на национальный состав населения не предусматривалось изданием.

³ В 1933 г. в Колвице проживало 237 карелов, 18 финнов и 23 русских [СНМ, 1935, 12].

в деревне в 1921 г. Память об этом усолье сохраняется по сей день в названии бывшей тони *Vuarniõcca* (рус. *Варница*).

Народная память хранит сведения и о том, что в окрестности нынешней Колвицы карелы стали приходить для лова сельди и семги уже в 1820-е гг. Об этом нам сообщила жительница деревни 1935 г. р., которая является внучкой одного из основателей деревни — Кузьмы Савельевича Архипова (1865 г. р.). По рассказам ее деда, пойманную рыбу карелы отвозили в том числе в Архангельск, обменивая ее на товары, которых не хватало в карельских деревнях. В. Ю. Визе отмечал, что другим важным промыслом карелов на внутренних водоемах был лов жемчуга, за который можно было выручить от 200 до 500 рублей [Визе, 1912, 742]. Согласно рассказам еще одного нашего информанта, предки современных жителей Колвицы занимались также отловом куницы, мех которой продавали в Архангельске или обменивали на муку и соль.

Постепенно в Колвицу стали подселяться жители других карельских деревень — главным образом из бывших Кестеньгской, Вокнаволоцкой, Тихтозерской и Ухтинской волостей. Видимо, это было обусловлено ростом населения в коренных деревнях и связанной с этим нехваткой сельскохозяйственной земли. По сведениям наших информантов, в «лучшие годы» в деревне насчитывалось 64 дома.

До прихода современных карелов Колвицкое озеро входило в том числе в сферу хозяйственных интересов саамского населения. На это указывает, например, название мыса *Lapin/niemi* (букв. «Лопарский мыс») на Колвицком озере, который, видимо, мог быть некой границей промысловых угодий саамов и пришлых карелов на рубеже XIX–XX вв. или даже раньше. Как известно, этнонимические названия возникают в результате контактов между представителями различных этносов, маркируя территории и границы их расселения или хозяйственной деятельности. О пограничном расположении Колвицкого озера может свидетельствовать, в частности, документ о вкладе Онтон Козьмина Кандалакшскому монастырю в 1687 г. В этом документе сообщается о передаче им родительских «пол-лука в водах в Колвицы и в сенных покосах пол-лука на озери в Лопской четверти» [Никонов, Пушкина, 2013, 175]. Не исключено, что сам Антон Кузьмин мог иметь саамское происхождение. Саамом мог быть, видимо, и Иван Григорьев сын Буртов, который в 1632 г. дал в качестве вклада «трех оленей» и «в Колвице мяса оленья на 20 алтын» [Там же, 135].

О том, что рассматриваемая территория была знакома саамам и входила в круг их хозяйственных интересов, говорит также зафиксированное саамское название Колвицких тундр — *Kolw/tundar* [KKLS, 981]. Как известно, в окружающем пространстве человек называет прежде всего те места, которые значимы для него и его хозяйственной деятельности. На основании названия горного массива может быть реконструировано и саамское название самого Колвицкого озера — **Kolw/jawr*. В основе его лежит саамский географический термин *kuålv, kuålvåš* ‘(ровная) территория, поросшая редким лесом и ягелем; редколесье, поросшее

лишайником и вереском' (*Kuålvâš* -> *Kolvič*⁴). Этот географический термин был известен, видимо, и саамам современной территории Карелии, поскольку отмечен в нескольких топонимах: озера *Kolvaz/järvi* в бывшей Ребольской и Ругозерской волостях, р. *Kolvas/jogi* (вар. *Kolvahan/jogi*, совр. *Kollas/jogi*) в бывшей Видлицкой волости на юго-западе Карелии; в Северной Карелии, в б. д. Кургиево Панозерской волости, зафиксирован покос *Kolvičču*. В последнем случае не до конца понятно, относится ли топоним к рассматриваемой группе, поскольку о местонахождении покоса ничего не известно.

В 1910 г. ближайшее к Колвице летнее саамское поселение находилось в 40 км к северо-востоку от Колвицкого озера, где на восточном берегу Верхнего Капустного озера (саам. *Kapest/jawr*) была летняя вежа лопаря Семена Галкина, занимавшегося здесь выловом рыбы. Более крупное летнее саамское поселение Галкиных под названием *Niškkind* располагалось в 17 км от последнего — в месте, где р. Умба вытекает из Умбозера [Визе, 1912, 746–747]. Зимний же погост семьи Галкиных находился в Ловозере, и это позволяет предполагать, что окрестности Колвицкого озера входили в сферу хозяйственных интересов саамов этого погоста. Саамы-оленоводы периодически бывали и в самой деревне Колвица. По словам одного из наших информантов, они общались с жителями деревни и по-карельски, и по-саамски.

Интересно, что в районе Канлалакши — Варзуги не зафиксировано названий с этнонимической основой *Карел*-. Этот факт, возможно, свидетельствует о том, что языковая среда долгое время была здесь этнически однородной, а переход с карельского языка на русский произошел естественным путем, через стадию билингвизма. В то же время топонимы с основой *Карел*- бытуют на современном русско-саамском пограничье. Так, севернее Канозера, на бывшей саамской территории — на р. Умба, находится порог *Карельский*, название которого, на наш взгляд, является калькой саамского топонима. О вхождении данной территории в сферу промысловых интересов саамского населения свидетельствует и то, что даже на более южных территориях, в районе Канозера, на картах зафиксированы чисто саамские названия, например р. *Каврель/йок*⁵, впадающая в р. Кица к западу от карельской деревни Вялозеро. Отметим также, что на саамских территориях Кольского полуострова неоднократно фиксируются названия, хранящие следы

⁴ Ср. карел. р. *Vuonnisjoki* — рус. *Войница* ≈ р. **Kolvisjoki* / *Kolvašjoki* — *Колвица*. Названия реки и озера вторичны и восходят, на наш взгляд, к названию Колвицких тундр, физико-географическая характеристика которых хорошо соотносится с семантикой саамского термина.

⁵ Известно, что на российских топографических картах встречается значительное количество ошибок и опечаток, особенно на территориях, где проживало нерусское население. Поэтому не исключено, что название этой реки написано с ошибкой, ср. возможный вариант **Карельйок*, букв. «Карельская река». На клавиатуре печатной машинки буквы *a* и *v* находятся рядом, что, возможно, при неаккуратном нажатии дало *av*. Если это так, то данный гидроним можно отнести к группе саамских названий, указывающих на карельское присутствие.

былых контактов с карельским населением: возвышенности *Gorjela-tunturi*, *Karjal*, зал. *Karjal/luht*, мыс *Karjal/ňark*, оз. *Karjell/javr* и др.

1. Топонимия Колвицы

Географические названия любого народа — это отражение его прошлого, своеобразный языковой памятник, хранящий сведения об истории народа, его традиционной культуре и быте. Роль топонимов особенно велика в тех случаях, когда для воссоздания истории региона недостаточно документальных письменных свидетельств.

Именно этим объясняется наш интерес к сбору и изучению топонимии. Далее, анализируя географические названия, мы попытаемся заглянуть в прошлое Колвицы, расскажем о ее быте, природных особенностях местности, а также о людях, здесь проживавших.

1.1. Русскоязычная топонимия и ее адаптация в карельском языке

Ранее мы уже упоминали, что в середине XVIII в., после упразднения Кандалакшского монастыря, все его угодья перешли в деревенскую общину Кандалакши. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что первые карельские поселенцы Колвицы в течение пяти лет жили в лесу во временных хижинах, поскольку крестьянская община Кандалакши отказывала им в разрешении строиться на пустовавших монастырских расчистках. Кроме того, долгое время кандалакшане не допускали колвичан к своим морским тоням и вылову семги в реке Колвица. Этого жителям Колвицы удалось добиться только к 1900 г. [Никольский, 1927, 14].

Таким образом, место современной деревни, а также ее окрестности еще в начале 1890-х гг. входили в сферу хозяйственных интересов крестьянской общины Кандалакши. Это подтверждается и топонимическими данными. В числе записанных нами в экспедиции топонимов фиксируется целый ряд названий, которые до переселения в Колвицу карелов бытовали в русскоязычной среде. Это, например, окрестные возвышенности и участки по морскому берегу в сторону Кандалакши и Порьягубы, реже по самой реке Колвице и на внутренних материковых территориях: заливы *Kannon/lakši*⁶ (вар. *Kannan/lakši*; рус. *Кандалакша*), *Kločihin'a* (рус. *Клочихино*), *Kolvičan/lakši* (рус. *Колвицкая губа*), *Liäkä* (рус. *Ляга*), *Miitrevskoi/lakši* (рус. *Дмитриевская губа*), *Porjal/kupa* (рус. *Порья губа*), *Saššeikka* (вар. *Niška*; рус. *Зашеек*); возвышенности *Jolki/tunturi* (вар. *Kuuši/tunturi*; рус. *Ёлкитундры*, *Иолгитундры*), *Kartona* (рус. *Кардон*), *Lepetihä* (рус. *Лебедиха*),

⁶ Написание названия города *Кандалакша* (карел. *Kannanlakši*) с *-a-* во втором слове в настоящее время является вполне устоявшимся, поэтому не совсем понятны истоки зафиксированной нами карелоязычной формы с *-o-*. Возможно, за ней стоит параллельно бытовавшая ранее форма *Кандалакша*, которая упомянута, например, в 1627 и 1760 гг. [КБЧ, 172; Ломоносов, 1955, 219].

Luiven'ka(n)/tunturit (рус. Лувеньгские тундры), *Simčča* (рус. Зимец), *Okat't'evoi* (рус. Окатьевская варака); реки *Kolvičan/joki* (рус. Колвица), *Tiikšil/joki* (рус. Тикшарека), *Umman/joki* (рус. Умбарека); ручьи *Kločihin'an/oja* (рус. Клочихинский ручей), *Vereš/oja* (вар. *Kataja/oja*; рус. Вересручей), *Von'učoi/oja* (рус. Вонючий ручей); озера *Kanoljärvi* (рус. Канозеро), *Luiven'kaljärvet* (рус. Лувеньгские озёра), *Muna/järvi* (рус. Мунозеро); остров *Vlasovan/šuari* (вар. *Lampahan/šuari*; рус. Власов остров); берега *Kiiperinskoi(ranta)* (вар. *Ki(i)perin/ranta*; рус. Киберинский берег), *Kippoiha* (рус. Киппоуха); тони *Ivanovskoi* (рус. Ивановка), *Lepetihä* (рус. Лебедиха), *Vuarničča* (рус. Варница).

Приведенный список включает ряд освоенных ранее русским языком топонимов с саамскими истоками — это заливы *Колвицкая губа* и *Порьягуба*⁷; горные массивы *Йолгитундры*⁸ (*Ёлkitундры*) и *Лувеньгские тундры*; озера *Канозеро*, *Колвицкое озеро*, *Лувеньгские озёра*, *Мунозеро*; реки *Колвица*, *Лувеньга*, *Тикша* и *Умба*. Все они именуют достаточно крупные географические объекты, которые уже не одно столетие являются важными природно-ландшафтными и, видимо, хозяйственными доминантами местности.

Приведенные выше названия русского происхождения составляют в нашем материале около 7 % от всех зафиксированных топонимов. При этом, однако, общее число русских названий может быть несколько больше и доходить до 10 %, поскольку часть топонимов бытует ныне в полностью переведенном на карельский язык виде. Об их русских истоках свидетельствует, в частности, то, что соответствующие географические объекты находятся на удалении от Колвицы, в направлении русских поселений: ручьи *Iivanan/oja* (рус. Ивановский ручей), *Maksiman/oja* (рус. Максимовский ручей); зал. *Leviel/lakši* (рус. Широкая губа); мель *Jermakan/šarvet* (рус. Ермаковы Пога); мыс *Päntelein/niemi* (рус. Пентельский наволок). Кроме того, часть подобных названий известна по исследованию В. В. Никольского 1921 г., где перечислены тони жителей Колвицы: мыс *Высокий наволок* (карел. *Korkie/niemi*), тоня *Синий Камень* (карел. *Šini/kivi*), зал. *Тёмная губка* (карел. *Mušta/lakši*) [Никольский, 1927, 155]. Некоторые из этих топонимов могут быть русскими переводами этимологически прозрачных карельских

⁷ На карте 1627 г. зафиксирована, возможно, близкая к карельскому произношению форма *Порые губа* (**Porie-*) [КБЧ, 171].

⁸ Возвышенности, входящие в состав горного массива *Йолгитундры*, представлены несколькими отдельными названиями, например *Баранья Йолга*, *Избная Йолга*, *Рисовская Йолга*. Видимо, этот факт отразился на названии всего горного массива, что привело к закреплению в атрибутивной части русскоязычного топонима показателя множественного числа *-и-*: *Йолги-*. В настоящее время бытует также вариант *Ёлки-*, который, вероятно, объясняется тем, что переселенцы-карелы отождествили саамский по происхождению атрибутивный элемент *йолга* с рус. *ёлка* — это, в свою очередь, отразилось в появлении переводного карелоязычного варианта названия *Kuuši/tunturi* (ср. карел. *kuiši* 'ель'; вар. *Jolkit, Jolki/tunturit*). Для объяснения названия самого горного массива может быть привлечен саамский географический термин *jōdłgōs* 'открытое ровное место или территория' [Neahttagigisánit].

названий, но такие полные кальки, как *Šini/kivi* (рус. *Синий камень*) и *Rauta/veräjät* (рус. *Железные ворота*), являются, на наш взгляд, переводами именно с русского на карельский, поскольку к концу XIX в. указанные топонимические модели в среде карелов уже не использовались, хотя и бытовали на карелоязычных территориях в более ранний период истории — ср. камень *Šini/kivi* (Miinoa), расщелина *Rauta/veräjät* (Akonlakši) (см. ниже) и др.

В ряде случаев неясно, какая из двух зафиксированных форм одного и того же названия является источником, а какая — ее переводом. Это связано с тем, что в русских говорах Кольского полуострова широко бытуют заимствованные из карельского языка (реже наоборот) географические термины: *варака* (карел. *vuara*) ‘гора, возвышенность’, *корга* (карел. *korko*) ‘мелкое место’, *ламбина*, *ламба* (карел. *lampi*) ‘небольшое озеро’, *луда* (карел. *luoto*) ‘оголяющиеся во время отлива (крупные) камни или остров без растительности’, *падун* (карел. *patuna*) ‘водопад’. Примеры топонимов, отражающих подобную лексику: горы *Kiärmiš/vuara* (рус. *Змеиная гора*), *Mušta/vuara* (рус. *Чёрная варака*); мель *Kulta/korko* (рус. *Золотая корга*); островок *Kulta/luoto* (рус. *Золотая луда*); водопад *Mušta/patuna* (рус. *Чёрный падун*); оз. *Nekotnoi/lampi* (вар. *Paha/lampi*; рус. *Негодная ламбина*). Заметим, что модель *Paha/lampi* — типовая для карельской топонимии, тогда как рус. *Негодная* не кажется таковой, что может являться знаком карельского истока топонима, переведенного позднее на русский.

Использование карелами топонимии окрестностей деревни находилось в активной монологической стадии только до начала 1940-х гг. После этого произошел резкий сдвиг в сторону русского языка, что отразилось и на топонимии. Об этом ярко свидетельствует тот факт, что современное население Колвицы 1940–1950-х годов рождения, за редким исключением, карельского языка по-настоящему не знает. В ходе двух экспедиций нам неоднократно встречались люди, в том числе 1930-х годов рождения, понимающие по-карельски только отдельные выражения. Другими словами, смена языка в деревне началась, видимо, уже в 1930-е гг., а в 1950-е гг. практически завершилась.

Тем не менее часть не говорящего по-карельски местного населения еще понимает карельский язык. При этом карелоязычная топонимия в некотором смысле «живет» несколько дольше знания языка на уровне родного. Об этом свидетельствует, например, то, что часть названий до сих пор бытует в полностью карелоязычном виде, хотя людей, их использующих, уже нельзя назвать карелоговорящими. Можно предполагать, что если бы топонимия продолжила свое бытование и развитие в полностью карельской среде, то многие из русскоязычных названий со временем вышли бы из употребления или были бы серьезно «переработаны» карельским языком, ср. такую переработку в следующих названиях: заливы *Kolvičan/lakši* (вар. *Kolvičan/kupa*; рус. *Колвицкая губа*), *Koti/lakši* < карел. *koti* ‘домашний’ (вар. *Liäkä*; рус. *Ляга*), *Saššeikka* (вар. *Niška*; рус. *Зашеек*); возвышенности *Kuuši/tunturi* < карел. *kuuši* < рус. *ёлка* ‘ель’ (вар. *Jolki/tunturit*;

рус. *Йолгитундры*); мель *Šarvet* < карел. *šarvi* ‘рог’ (вар. *Jermakan/šarvet*; рус. *Ермаковы Пога*); ручьи *Haisuja/joki* (? вар. *Happanu/oja*; рус. *Вонючий ручей*), *Kataja/oja* (вар. *Verēš/oja*; рус. *Вересручей*) (карел. *kataja*- < рус. *верес* ‘можжевельник’); о-в *Lampahan/šuari* (вар. *Vlasovan/šuari*; рус. *Власов остров*); оз. *Paha/lampi* (вар. *Nekotnoi/lampi*; рус. *Негодная ламбина*) (карел. *paha*, рус. *негодный* ‘плохой’) и др.

Таким образом, в ходе хозяйственного освоения прилегающих к деревне территорий русская топонимия подвергалась карелоязычной адаптации: становясь частью новой топонимической системы, русские названия претерпевали определенные трансформации согласно фонетическим правилам и словообразовательным моделям карельского языка. Результатом этого стало, например, появление гибридных композитов или сложных по составу топонимов, свойственных карельской топонимии: ср. берег *Kippoihan/ranta*, малинник *Kločihan/malinnikko*, осинник *Lepetihän/huavikko*, остров *Rissin/šuari* (букв. «остров Креста») — рус. *Рицеев⁹ остров*, скала *Simčan/kallivo*. Другим следствием адаптационных процессов стало появление уже упоминавшихся названий-полукалек (*Jermakan/šarvet* — *Ермаковы Пога*, *Verēš/oja* — *Вересручей*, *Von'učoi/oja* — *Вонючий ручей*) и полных калек (*Rauta/veräjät* — *Железные Ворота*, *Šini/kivi* — *Синий камень*). Тем самым русскоязычная топонимия постепенно становилась карельской по употреблению.

О незаконченности этого процесса свидетельствуют, на наш взгляд, некоторые случаи, когда в речи разных информантов наблюдается неустойчивость форм наименования одного и того же объекта, ср., например, варианты названия возвышенности *Октябрьская варака* / *Октябрьево*: *Okat't'ivan/vuara*, *Okat't'i*, *Okat't'e(v)ska/tunturi*, *Okat't'eva*, *Okat't'evoi*. Видимо, к подобным случаям можно отнести также наименования руч. *Вонючий ручей*: *Haisuja/joki* (карел. *haisuja* ‘пахнущий’), *Happanu/oja* (карел. *happanu* ‘скисший’ → ‘пахнущий’) и зал. *Козья губа*: *Kosja/kupa*, *Kosso/lakši*.

1.2. Карелоязычная топонимия

Как приходится констатировать, в связи с изменением уклада жизни населения Колвицы многие географические названия в настоящее время вышли из ежедневного использования. Большая часть выходцев из деревни приезжает сюда только в качестве дачников. Из постоянно проживающих, а также приезжающих на лето лишь немногие выходят сейчас в море для лова рыбы, а на Колвицком озере, например, никто из информантов уже не рыбачит. Домашнего скота и оленей

⁹Обратим внимание на фамилию *Рицеев* (вар. *Рицеев*) из деревни (бывшего выселка) Федосеево, располагавшейся в окрестностях Кандалакши. Видимо, до переселения карелов представители этой семьи могли иметь в окрестностях Колвицы земли хозяйственного назначения. В данном случае не до конца понятно, является ли параллельно бытующая карелоязычная форма *Rissin/šuari* адаптацией похожего названия *Рицеев остров* или же звуковая близость топонимов — только случайность.

в деревне нет, сенокосы и пастбища запущены. Все это приводит к тому, что названия забываются, а воспоминания о них, живущие пока в памяти информантов, могут быть зафиксированы только во время опроса жителей деревни о их молодости, жизни их родителей или еще более старшего поколения в советский период истории поселения.

Несмотря на все это, топонимы окрестностей деревни нам удалось записать в достаточном количестве. За два года сборов, проводившихся летом 2017 и 2018 гг., в Колвице нами зафиксировано около 400 названий. Такое число топонимов сейчас возможно записать только в по-настоящему «живых» карельских поселениях.

Одной из главных причин хорошей сохранности топонимии Колвицы является, на наш взгляд, то, что во время Второй мировой войны местное население не было эвакуировано, а оставалось в деревне, — это обеспечило «непрерывность» использования местной топонимии. Кроме того, деревня Колвица была достаточно большой — 64 дома, да и сейчас является крупным, хотя уже и «дачным», поселением, что позволило нам проинтервьюировать здесь более 20 человек. В ходе экспедиций мы старались планомерно опросить всех постоянных и непостоянных жителей деревни, записывая как карелоязычные, так и русскоязычные названия, а последние затем проверяли на наличие карелоязычных вариантов у тех представителей старшего поколения, которые еще достаточно свободно говорят на карельском языке. Итогом стало то, что из указанного количества собранных названий только 20 топонимов не имеют в наших материалах карелоязычных эквивалентов. Некоторые из этих двадцати можно легко реконструировать на основании параллельно бытующих топонимов, например: поле *Выдрополе* > **Šuarva/peldo* (ср. рядом оз. *Šuarva/lampi* — рус. *Выдраламбина*), руч. *Кошкоручей* > **Koški/oja* (карел. *koški* ‘порог’)¹⁰, склад *Нижняя Лакуша* > **Ala(ni)/lakši* (букв. «Нижний залив»), озера *Мёртвые ламбины* — возможно, название имеет тот же географический объект, что и зафиксированное *Kuolien/lampi* (ср. карел. *kuolie* ‘умерший, мертвый’, *lampi* ‘небольшое озеро’) и т. д.

В то же время отдельные русскоязычные названия являются достаточно поздними и, видимо, вообще не имеют карелоязычных эквивалентов, как, например, *Гигантский ручей* и *Гигантское поле*, рядом с которым, по рассказам местного населения, была установлена карусель «гигантские шаги». К этой же группе относится место *Макшеевский городок*, где был барак лесозаготовителей, и располагавшаяся у магазина *Ресторан-скала*, где после рабочего дня собирались местные жители, в том числе для распития алкогольных напитков. Таким образом, полностью русскоязычные названия в наших материалах составляют менее 6 % — это одна из самых незначительных групп в топонимии деревни.

¹⁰ Топонимы *Выдрополе* и *Кошкоручей* построены по прибалтийско-финской модели сложных топонимов, что явно маркирует их карельские корни.

1.3. Топонимы с основами, указывающими на человека

Данная группа является в нашем материале одной из самых наполненных: она включает 27 % от числа всех зафиксированных в Колвице названий. В большей части атрибутивных компонентов топонимов представлены имена (реже фамилии) жителей деревни и некоторых других людей, участвовавших когда-то в хозяйственном освоении окрестностей Колвицы. Кроме того, в качестве атрибутов выступают указывающие на человека апеллятивы: *akka* ‘(старая) женщина’ — ср. о-в *Akan/šuari*, пролив *Akan/šalmi*; *kuolie* ‘умерший, мертвый’ — ср. оз. *Kuolien/lampi*; *lappi* ‘саам’ — ср. мыс *Lapin/niemi*; *ryssä* ‘русский’ — ср. мыс *Ryssän/niemi*¹¹.

Интересно, что в Колвице процент топооснов, указывающих на человека, практически в два раза выше, чем в целом в Беломорской Карелии, где он составляет только 15 %. Возможно, это связано с относительно недавним основанием деревни Колвица — при освоении ее земель незнакомым друг с другом новоселам приходилось маркировать места и территории, уже освоенные соседями. Указание на того, кто пользуется объектом, у карелов всегда было самым распространенным приемом называния, особенно в микротопонимии. Кроме того, карелы, как известно, жили деревенскими общинами, и земля, принадлежавшая той или иной общине, была разделена между ее представителями — тем самым именование объектов по имени, прозвищу или фамилии владельца было естественным основанием для их дифференциации.

Самую большую группу отантропонимных определений составляют в нашем материале мужские христианские имена. Это обусловлено тем, что хозяином дома почти всегда был мужчина: именно он владел принадлежавшей дому землей, он же занимался различными промыслами. Когда хозяйкой дома становилась женщина (например, вследствие утраты кормильца), ее имя также находило отражение в микротопонимии деревни, ср.: руч. *Annin/oja*, покос *Annin/nurmi*, берег *Annin/ranta*, глиняная яма *Annin Šavihauta*. Все названные объекты располагались вблизи дома Анны Ефимовны Малыгиной, муж которой погиб в 1941 г. Всего с войны в Колвицу не вернулись 32 мужчины. Сама Анна Ефимовна была родом из д. Войница Вокнаволоцкой волости и относилась к потомкам известного рунопевческого рода Малинен (карел. pl. *Maliset*). Русскоязычная форма этой фамилии была *Маликин*, но переселившаяся в Колвицу семья была записана как *Малыгины*¹².

¹¹ На мысе *Ryssän/niemi* во время войны стоял барак, в котором какое-то время жили эвакуированные сюда русские.

¹² Этот факт хорошо отражает то, как легко фамилия карельской семьи могла быть трансформирована или уподоблена русской. За исключением некоторых фамилий (*Каллиев*, *Келеваев*, *Лангзев*, *Пивоев*), карелы Колвицы носили обыкновенные русские фамилии, а также имена и отчества, хотя были при этом карелоговорящими. Эту ситуацию можно осторожно спроецировать на более ранние периоды истории Кольского полуострова. Речь идет о том, что фиксирующиеся в разного рода письменных источниках XVI–XIX вв. люди с русскими именами и патронимами фактически

Среди других микротопонимов, в которых отразились женские имена, можно назвать следующие: родник *Anis's'an/hete* (< *Анисья*), оз. *M(u)akrin/lampi* (< *Макрида*), покос *Malanien/nurmi* (< *Маланья*), горка *Matron/termä* (< *Матрёна*), берег *Mot'kan/ranta* (< *Матрёна*), островок *Muari(e)n/luoto* (< *Мария*), мыс *Tat't'anan/niemi* (< *Татьяна*), березняк *Tuarien/koivikko* (< *Дарья*), поле *Ul'l'anan/pelto* (< *Ульяна*). В данную группу входят также горки *Karpovnan/termä* (по отчеству *Карповна*) и покос *Ontonakan/nurmi* (от именованья женщины по мужу, букв. «Покос жены Антона»).

Обратим внимание на то, что некоторые семьи в деревне именовались не по главам семей, а по фамилиям. Чаще всего подобные случаи отмечаются для семей, которые были единственными носителями той или иной фамилии. Среди них есть как представители русскоязычного населения, которое подселилось со временем в деревню (ср. руч. *Fufajevan/oja* < *Фуфаев*, руч. *Подымниковский ручей* < *Подымников*, горка *Sosinan/termä* < *Созинов*, родник *Tarabarinan/hete* < *Тарабарин*), так и карельские семьи: часть д. *Kallijevan/pioli* (жили *Каллиевы*), берег *Kelevajevan/ranta* (жили *Келеваевы*), берег *Maliginan/ranta* (вар. *Annin/ranta*, жила *Анна Малыгина*), *Яковлевская горка* (карел. *Jurkilän/čokka*, жил *Егор Яковлев*).

В ходе экспедиций записывались также наименования домов. Если их тоже принять во внимание, то удельный вес названий, указывающих на человека, в топонимии Колвицы возрастает до 38 %. Поскольку деревня появилась только на рубеже XIX и XX вв., а к концу 1950-х гг. в среде местного населения уже произошел сдвиг в пользу русского языка, в карелоязычных названиях домов закрепились главным образом имена жителей первого, второго, реже третьего поколения. Из рассказов наших информантов известно, что первопоселенцами Колвицы были три семьи Архиповых и семья Артемьевых, главами которых были Архипов Кузьма Савельевич (1860 г. р.), Архипов Елисей Федорович (1851 г. р.), Архипов Лупп Евсеевич (1862 г. р.) и Артемьев Кирилл Петрович (1852 г. р.). Их имена сохраняются в названиях деревенских домов, ср.: *Jelesseilän/talo* (< карел. *Jelessei — Елуцей*), *Kirilän/talo* (< карел. *Kirilä — Кирилл*), *Kusmal'an/talo* (< карел. *Kusma — Кузьма*), *Luppol'an/talo* (< карел. *Luppo — Лупп*).

На то, что эти дома появились на самом раннем этапе истории поселения, указывает присутствие в их названиях суффикса *-la/-l'a/-lä* с локативной семантикой. Как известно, в среде карельского населения названия, содержащие этот суффикс, присваивались, как правило, на начальном этапе заселения — первому дому, родовому гнезду; суффикс присоединялся к имени или прозвищу основателя [см.: Кузьмин, 2003, 67]. Кроме того, в районе Кестеньги и Оланги (современный

могли быть карелами или даже саамами. Например, *Кириллово болото* (карел. *Kirilän/šuo*) названо по имени карела Кирилла Артемьева, т. е. не является топонимом русского происхождения, а только восходит к русскому личному имени. Другими словами, за этим названием скрывается карельский источник.

Лоухский район Карелии) эта модель была продуктивна в названиях домов вплоть до начала XX в. Тогда неудивительно, что при наименовании домов первопоселенцев Колвицы она также была востребована.

Среди четырех упомянутых выше названий домов топоним *Kirilän/talo* только формально относится к рассматриваемой группе, поскольку карелоязычный вариант имени *Kirull* — *Kirilä* — сам по себе содержит финаль *-lä*. В то же время при наименовании дома сына Кирилла — Тимофея Кирилловича (1886 г. р.), построившего этот дом в начале 1910-х гг., модель все еще использовалась, ср.: *Ort'olan/talo* (хозяин *Ort'o* — Артемий Елисеевич Архипов, 1886 г. р.), *Pekkal'an/talo* (хозяин *Pekka* — Петр Антонович Архипов, 1891 г. р.), *Timol'an/talo* (< карел. *Timo* — *Тимофей*). Все они были сыновьями основателей Колвицы и, соответственно, жителями деревни второго поколения.

В названиях домов, построенных в 1920-е гг., модель уже не использовалась, однако некоторые топонимы сохраняют память о том, из какого дома был выходцем его хозяин, ср. дом *Timol'an Stepanan/talo*, в котором проживал сын Тимофея Кирилловича Артемьева — Степан Тимофеевич.

Таким образом, модель сохраняла активность на первом этапе разрастания деревни и постепенного переселения в Колвицу новых семей; она закрепилась в таких названиях домов, как *Hotattal'an/talo* (хозяин *Hotatta* — Федот Митрофанов), *Issakkal'an/talo*¹³ (хозяин *Issakka* — Исаак Васильевич Прокопьев), *Jyrkilän/talo* (хозяин *Jyrki* — Егор Яковлев), *Vaskol'an/talo* (хозяин *Vasko* — Василий Филиппович Иванов). Следует отметить, что все названия домов на *-la*, кроме *Hotattal'an/talo* и *Jyrkilän/talo*, представлены в той части деревни, которая именуется *Большая сторона* (карел. *Šuuri/puoli*), — именно здесь были поставлены дома первых жителей деревни, выходцев из Олангской и Кестенгской волостей. На противоположной *Малой стороне* (карел. *Pieni/puoli*), освоение которой происходило несколько позднее, данная модель почти не использовалась. Возможное объяснение этого можно видеть в том, что жители Малой стороны были преимущественно выходцами из тех частей Карелии, где модель наименования на *-la* в конце XIX в. была уже малопродуктивна; кроме того, в это время она начала выходить из употребления и в самой Колвице.

1.4. Топонимия Колвицы как историко-культурный источник

Топонимы являются исключительным этнографическим и историко-культурным источником, востребованным при освещении вопросов, касающихся различных сторон промысловой и материальной культуры местного населения. В нашем случае мы также можем привлечь их как источник информации

¹³ В ряде случаев *-l*-вые формы закрепились в современных русскоязычных наименованиях отдельных семей по дому, ср. *исакалёвские* (жители дома *Issakkal'an/talo*) и *некалёвские* (жители дома *Pekkal'an/talo*).

о культурных и бытовых особенностях жизни Колвицы, в частности о занятиях местного карельского населения и объектах его хозяйственной деятельности.

Для населения, проживающего на территории, приближенной по природно-климатическим условиям к районам Крайнего Севера, при относительно слабо-развитом (в сравнении с более южными территориями) земледелии и животноводстве большим подспорьем в хозяйстве были охота и особенно рыболовство, которое давало здоровую пищу и часто спасало от голода. Именно в окрестности Колвицы в первой половине XIX в. приходили на морской рыбный промысел¹⁴ отцы и деды первых жителей деревни.

Рыболовство было широко распространенным занятием в большинстве районов современной Карелии. В многочисленных озерах и реках рыба была всегда. Не является исключением и деревня Колвица, расположенная на берегу Колвицкой губы Белого моря, при впадении в него реки Колвица. Здесь ловили и сейчас продолжают ловить разную рыбу — в зависимости от сезона и водоема. Судя по данным В. В. Никольского, на начальном этапе жизни поселения, в конце XIX в., здесь было распространено главным образом речное и озерное рыболовство, преимущественно на Колвицком озере и впадающей в него реке Тикша. Это было обусловлено тем, что доступ к морским сельдяным тоням и разрешение на постановку семужного забора на реке Колвица было получено колвичанами у Кандалакшского общества только к 1900 г. [Никольский, 1927, 14].

Данный вид промысловой деятельности нашел отражение в современной топонимии окрестностей Колвицы, привязанной к морскому побережью, ср.: место приема рыбы *Faktorija* (*Фактория*); место погрузки рыбы *Нижняя Лакса* (**Ala(ni)lakši*); водопад с отводом для поднятия рыбы на нерест *Kala/patuna*; тони *Kločihin'a* (*Клочихино*), *Korkie/niemi* (*Высокий Наволок*), *Lepetihä* (*Лебедиха*), *Luoto* (*Луда*), *Okat't'evoi* (*Окатьево*), *Ol'okan/pirtti* (букв. «Изда Алексея»), *Pirtti/kivi* (букв. «Камень у промысловой избы»), *Šini/kivi* (*Синий камень*), *Vuarničča* (*Варница*). В 1921 г. В. В. Никольский записал в окрестностях Колвицы названия десяти тоней: *Высокий наволок*, *Долгая корга*, *Клочихино*, *Лебедиха*, *Новый Крест*, *Окатьево*, *Под Тальцем*, *Тёмная губка*, *Синий камень*, *Ямка* [Никольский, 1927, 155]. Большинство этих названий, как можно видеть, известно жителям деревни и в настоящее время. Наименования *Долгая корга* (карел. *Pitkä/niemi*) и *Тёмная губка* (карел. *Mušta/lakši*) также фиксируются в современной топонимии, однако о существовании там старых тоней наши информанты уже не упоминают.

Кроме морского побережья, лов рыбы производился колвичанами и на внутренних водоемах, где в местах вылова были построены специальные рыболовецкие избы (карел. *pirtti* или *kala/pirtti*) и сараи для хранения сетей (карел. *lato*),

¹⁴ Судя по информации, приведенной ниже, они работали по найму — были наемными работниками у состоятельного населения Кандалакши или рыбопромышленников из других населенных пунктов.

ср.: избы *Ant'uh(h)an/pirtti*, *Issakan/pirtti*, *Korkieniemen/pirtti*, *Kossolahen/pirtti*, *Lammašsuaren/pirtti*, *Ristišsuaren/pirtti*, *Saššeikan/pirtti*, *Tat't'ananniemen/pirtti*, *Tiikššin/pirtti*; о-в *Pirtti/šuari*, мыс *Lato/niemi* и др.

К кругу традиционных видов деятельности колвичан наряду с рыболовством относилась охота. Большую роль играла, согласно рассказам местного населения, охота на птиц, а также на крупных лесных зверей, в частности медведя, дикого оленя и лося. Одним из средств охоты на них были специальные ямы и заграждения, которые обычно располагались на узких мысах и перешейках (приб.-фин. *hankas*, *hankaš*) — вероятно, о таком способе охоты свидетельствует название *Hankaš/lakši* в окрестностях Колвицкого озера. Места охоты на лесного оленя и лося были, в частности, близ озер *Petrallampi* < карел. *petra* 'дикий олень' (рус. *Петраламбина*) и *Hirvi/lampi* < карел. *hirvi* 'лось'. Промысловыми животными были, видимо, также горностаи и выдра. Местами их лова могли быть окрестности горы *Kärppi/vuara* < карел. *kärppä* 'горностаи' и оз. *Šuarva/lampi* < карел. *šuarva* 'выдра'. Об охоте на глухарей свидетельствуют названия токовищ: *Kiiperinskoirannan/kiima*, *Kotilamin/kiima* < карел. *kiima* 'глухариный ток'. Следует заметить, что в сравнении с рыболовством охота отражена в современной топонимии Колвицы достаточно слабо. Возможно, отчасти это объясняется тем, что большинство наших информантов (за исключением шести) составляли женщины, которые с местами охоты своих дедов, отцов и братьев вообще не соприкасались по причине удаленности большей части охотничьих угодий от поселения.

Имеющийся в нашем распоряжении топонимический материал позволяет сделать вывод о том, что наряду с охотой и рыболовством одним из важных занятий жителей Колвицы было сельское хозяйство¹⁵. Из-за сурового климата и недостатка естественных кормов, связанного с каменистостью почвы, местное население для расширения сенокосных¹⁶ и пашенных земель делало расчистки, освобождая территорию от кустов и мелколесья, а также осушало болота. Подобные сельскохозяйственные угодья обычно находились в стороне от деревни, по берегам лесных водоемов и на болотах. Следов подсечного земледелия, которое было широко распространено на родовых территориях выходцев из Колвицы, мы в топонимии уже не находим. О местах, где косили сено, а также сажали картофель и капусту, говорят следующие названия: покосы *Alanko/mua*, *Mot'kan Alanko/mua*, *Muarin*

¹⁵ Несмотря на то что территория окрестностей Колвицы входит в зону рискованного земледелия, В. В. Никольский в 1921 г. отмечал, что в деревне разведены порядочные огороды, которые дают хорошие урожаи картофеля [Никольский, 1927, 15]. В то же время пашенного земледелия в деревне практически не было, поскольку сажали главным образом картофель и капусту.

¹⁶ Подкашивание сена было массовым явлением, причем окашивались все окрестные болота, едва ли не в радиусе 45 верст. Практика окашивания болот целиком основывалась на захватном праве: покос принадлежал тому, кто его в этом году обнаружил и скошил. Каким-либо образом закреплять его за собой на будущий год, например постановкой знаков, было запрещено [см.: Никольский, 1927, 65].

Alanko/mua < карел. *mua* ‘земля’, *An'tuh(h)an/nurmet*, *Klementeinšuo/nurmet*, *Ontonakan/nurmi*, *Malanien/nurmi*, *Mitrofanovanšuo/nurmet*, *Muštajoven/nurmet*, *Šuarvašuo/nurmet*, *Valkiejoven/nurmet* < карел. *nurmi* ‘покос’; поля *Arošuo/pellot*, *Kolhosan/pellot*, *Kon'ušn'an/pelto*, *Laivašua/en/pelto*, *Leontin/pelto*, *Potakka/mua* (рус. *Картофельные поля*), *San'kan/pelto*, *Timonšuo/pelto*, *Timo-ukon/pelto*, *Выдрополе* (**Šuarva(šuo)pelto*) < карел. *pelto* ‘поле’ и др. К этому ряду, видимо, относятся и самые первые сельскохозяйственные угодья, разработанные еще основателями Колвицы, ср. покос *Jyrkilän/nurmi* и поля *Jelesseilän/pelto* и *Kus'mal'an/pelto* — о раннем возникновении этих названий свидетельствуют как имена первопоселенцев в их составе, так и локативный суффикс *-la* (см. выше). Некоторые другие атрибутивные основы карелоязычных топонимов также указывают на сельскохозяйственную деятельность жителей, ср. озера *Riihi/lammit* < карел. *riihi* ‘рига’ (рус. *Ругаламбины*) и амбар *Saššeikan/aitta* < карел. *aitta* ‘амбар’.

Постоянный спутник земледелия — животноводство. Оно удовлетворяло потребности местного населения в мясе и молоке, давало органические удобрения для полей и лугов¹⁷. Местное население держало крупный рогатый скот¹⁸, овец, а также лошадей и домашнюю птицу. Об этом свидетельствуют как рассказы наших информантов, так и лексика, отраженная в топонимии, ср.: место *Maito/pirtti* < карел. *maitopirtti*, *moločnoi* ‘пункт дойки и приема молока’ (вар. *Moločnoi*), поле *Kon'ušn'an/pelto* < карел. *kon'ušn'a* ‘конюшня’, мыс *Kuuričan/niemi* < карел. *kuuričča* ‘курица’¹⁹, острова *Lampahan/šuari* и *Lammaš/šuari* < карел. *lammaš*, ген. *lampahan* ‘овца’ (рус. *Овечий*). Появление островов с подобными названиями в окрестностях карельских деревень было обусловлено традицией вывоза на них овец в летний период.

Отличительной чертой хозяйственной деятельности населения северных частей Беломорской Карелии в сравнении с более южными территориями являлось оленеводство. Поскольку новопоселенцы Колвицы были выходцами из волостей, где оленеводство имело давние корни, у жителей этого поселения домашних оленей было много²⁰: по данным за 1918 г. — 400 голов [Никольский, 1927, 58], а перед Второй мировой войной оленей было уже около 600 [Александров и др., 2014, 53]. В топонимии окрестностей деревни сохранились названия, которые указывают на занятие местных карелов оленеводством, ср.: загоны

¹⁷ В. В. Никольский отмечал, что сельскохозяйственные расчистки в Колвице регулярно удобряются навозом [Никольский, 1927, 155].

¹⁸ По данным на лето 1921 г., в Колвице имелась 51 голова крупного рогатого скота, 77 овец и четыре лошади [Никольский, 1927, 57]. Отметим здесь, что карелоязычные клички животных уже практически забыты местным населением. Нам удалось записать только несколько, ср. клички коров *Kaunikki* ‘Красотка’, *Kirjo* ‘Пеструха’, *Muššukki*, *Muštikki* ‘Чернуха’, *Ruško* ‘Бурка’; кличка овцы *Man'u* ‘Маня’, кличка барана *Pokko* ‘Баран’, кличка собаки *Nerka* (ср. карел. *nero* ‘умелый’).

¹⁹ В прошлом на мысе располагался курятник.

²⁰ Есть сведения о том, что в начале 1900-х гг. только у жителя Колвицы по имени *Kirilä* (видимо, у Кирилла Артемьева) было около 300 домашних оленей [Kortesalmi, 1996, 101].

для оленей *Kaivošlammin/poroaita*, *Kaunismuan/poroaita*, *Muššanjovent/poroaita*, *Valkiejovent/poroaita*, *Vaša/aita* < карел. *aita*, *poroaita* ‘загон для домашних оленей’, *Porolšuari* < карел. *poro* ‘домашний олень’; место заготовки ягеля *Jäkälä/harju* < карел. *jäkälä* ‘ягель’, *harju* ‘хребет горы’.

Понятно, что в условиях севера сельское хозяйство и животноводство не могли полностью обеспечить карельскую семью всем необходимым, поэтому местное население занималось также отхожими промыслами, заготовкой дров, рубкой леса, добычей жемчуга²¹ и торговлей. О последнем виде деятельности мы упоминали выше, в связи с информацией об основании деревни. В топонимии представлены сведения о некоторых других видах хозяйственной деятельности жителей Колвицы, например о выкопке глины и смолокурении — выгонке смолы, которая была востребована в крестьянском хозяйстве для таких нужд, как смоление лодок и лыж, а также в народной медицине, ср.: урочища *Annin/šavihauta* < карел. *šavihauta* ‘глиняная яма’, *Makarien/tervahauta*, *Vuarničan/tervahauta* < карел. *tervahauta* ‘смоляная яма’; озера *Hirši/lammit* < карел. *hirši* ‘бревно’ (в окрестностях этих озер заготавливали бревна). На торговые и экономические связи Колвицы с русскими поселениями указывают названия зимников в Умбу и Кандалакшу: *Umman/talvitie* и *Kannanlahen/talvitie* < карел. *talvitie* ‘зимняя дорога’. Кроме того, в окрестностях деревни располагалась плотина *Plotina* (ср. карел. *plotina* ‘плотина’) и водомерная станция, которая находилась рядом с одним из плесов реки Колвица, известным сейчас как *Vesimiärän/pl’ossa* < карел. *vesimiärä* ‘водоотмер’.

Таким образом, данные топонимии помогают осветить некоторые стороны и особенности хозяйственной жизни деревни в недавнем историческом прошлом. Мы видим, что для топонимии окрестностей Колвицы, как и многих других карелоязычных поселений, характерна утилитарная направленность, т. е. тесная связь с хозяйственной деятельностью местного населения. Это означает, что основным приоритетом номинации был принцип «географическая реалья как объект хозяйственного использования». Кроме того, полученные в ходе исследования сведения позволяют сделать вывод о том, что закрепляющаяся в топонимии информация действительно может быть использована для реконструкции культурно-бытового уклада той или иной территории, и это наглядно подтверждается корреляцией между топонимическими данными и рассказами местного населения о былой хозяйственной жизни деревни.

1.5. Топонимия Колвицы как этноисторический источник

С точки зрения использования топонимии в целях этноисторической реконструкции многие из рассмотренных выше моделей малопродуктивны. В то же

²¹ По словам одного из информантов, жемчужные раковины встречались, в частности, в реке *Kotijoki* (букв. «Домашняя река», рус. р. *Колвица*).

время в топонимии Колвицы представлены и такие топонимические модели, которые обладают определенными этнодифференцирующими признаками. Их распространение может указывать как на исторические связи окрестностей Колвицы с территориями прежнего проживания предков современных колвицких карелов, так и на историко-культурные связи более раннего периода.

Понятие «топонимическая модель» является одним из основополагающих в прибалтийско-финской топонимике. Значимость этого понятия связана с тем, что вместе с языком каждый человек усваивает и систему окружающих его топонимов. Эта система служит для него моделью, когда он дает имена географическим объектам при освоении новых территорий. Новые топонимы создаются не «случайно», а в рамках известных номинатору морфологических типов, семантических классов, топооснов и формантов. Бытование моделей оказывается чрезвычайно ценным для этнолингвистических и этноисторических изысканий, поскольку часть их характеризуется временной и географической приуроченностью. Другими словами, топонимические модели нередко имеют достаточно четко очерченные ареалы, формирование которых может быть увязано с переселением / экспансией определенных групп населения, историей образования этнических территорий, границ и т. д. [см.: Захарова и др., 2018].

В записанных от местных жителей преданиях об истории родов, проживающих в настоящее время в Колвице, отмечаются следующие исходные населенные пункты, расположенные на территории современной Карелии: дд. *Ahvenlakši* (рус. *Окунёвая губа*), *Kapani* (рус. *Ковдозеро*), *Kankahaini* (рус. *Боровская*), *Kantonietti* (рус. *Кандонаволок*), *Kuntikylä* (рус. *Кундозеро*), *Muštajoki* (рус. *Чёрная река*), *Vartielampi* (рус. *Вартамалбина*), сс. *Kiestinki* (рус. *Кестеньга*), *Pistojärvi* (рус. *Тухтозеро*), *Viionniini* (рус. *Войница*), *Uhtua* (рус. *Ухта*).

Подтверждение тому, что в первой четверти XX в. карелы переселялись в Колвицу из разных волостей северной части Карелии, можно видеть в топонимии деревни. Показательным маркером, например, являются синонимичные географические термины *termä* и *čokka* со значением ‘горка, пригорок’. Так, на Малой стороне деревни дом Егора Яковлева стоял на пригорке с названием *Jyrkilän/termä* — это свидетельствует о том, что Егор мог быть родом из западных частей Беломорской Карелии, где данный термин широко представлен в топонимии и диалектной лексике. В то же время потомки выходцев из Олангской волости именовали это место *Jyrkilän/čokka*, поскольку в их говоре для обозначения горки бытовал заимствованный у саамов географический термин *čokka*, который в более южных карельских говорах совсем не использовался.

На этой же стороне деревни фиксируются параллельные названия другой горки — *Muari(e)n/čokka* и *Muari(e)n/termä*, а также названия горок *Kalmismuan/termä*, *Karpovnan/termä*, *Koulu/termä*, *Kuuričan/termä*, *Mitrofanovan/termä* и др. Подобные названия есть и на Большой стороне деревни (*Anis's'an/termä*, *Keškikylän/termä*, *Kirilän/termä*, *Koti/termä*, *Palo/termä*, *Pekkal'an/termä*), но здесь неоднократно

представлены также названия с детерминантом *-čokka*: *Kivi/čokka*, *Koti/čokka*, *Kusmal'an/čokka*, *Vaskol'an/čokka* и др. В данном случае, видимо, принципиально то, от потомков переселенцев какой говорной зоны были записаны приведенные названия.

Есть еще одно, хотя и менее выраженное, «противостояние» — использование в названиях крупных возвышенностей терминов *vuara* и *tunturi*. Судя по нашим материалам, поселенцы из западных частей Беломорской Карелии чаще используют в названиях детерминант *-vuara* ‘крупная, поросшая лесом возвышенность’, тогда как переселенцы из северной Беломорской Карелии — *tunturi* ‘крупная, часто безлесая или поросшая карликовым лесом возвышенность’. Эти термины несколько различаются деталями значения, однако в пределах рассматриваемой территории они выступали как синонимы: поросшие лесом крупные возвышенности карелоязычное население из Вокнаволоцкой, Ухтинской и Тихтозерской волостей называло на основе бытовавшего в их говорах географического термина *vuara* — в отличие от выходцев из Олангской волости, использовавших для этого термин *tunturi*, ср. параллельные названия *Kivi/vuara* = *Kivi/tunturi*, *Koti/vuara* = *Koti/tunturi*, *Okat't'ivan/vuara* = *Okat't'e(v)ska/tunturi*, *Valkie/vuara* = *Valkie/tunturi*.

Другие подобные оппозиции в топонимии Колвицы не фиксируются, однако некоторые маркирующие различия можно видеть в лексике²².

О том, что новопоселенцы использовали при наименовании географических объектов окрестностей Колвицы лексическую базу, в частности ландшафтную терминологию, своего родного диалекта, свидетельствуют названия болот *Šuuri Arolšuo* и *Pieni Arolšuo* (рус. *Ароболома*). Географический термин *aro* в колвицком говоре известен в значении ‘топкое, сырое место’. На территории Карелии лексема *aro* имеет ограниченное распространение: ареал ее бытования включает лишь западные и северные говоры Беломорской Карелии (Оланга, Кестеньга,

²² Ср., например: *ruatua* (южная и центральная Беломорская Карелия) — *työjellä* (северная Беломорская Карелия) ‘работать’, *paissa* (южная и центральная Беломорская Карелия) — *puajie* (северная Беломорская Карелия) ‘говорить’ и др. Это тоже свидетельствует о переселении в Колвицу выходцев из разных диалектных зон, хотя и относившихся к достаточно единой историко-культурной общности, известной как Беломорская Карелия. Следует, правда, отметить, что в языке населения Колвицы фиксируется также лексика, объединяющая местный говор с более южными диалектными зонами карельского языка, ср.: *römistyö* ‘сгнить’ — *römistyö* ‘ветшать, становиться негодным’ (Сямозеро, Суоярви); *höplöttä* ‘бубнить’ — *höblöttä* ‘неразборчиво говорить’ (Ругозеро, Суоярви, Сямозеро); *heprasa* ‘тот, кто воображает себя лучше, чем есть на самом деле’ — *? hebruta* ‘притворяться, лицемерить’ (Суоярви, Сямозеро); *kainoštuo* ‘стесняться’ — *kainostuo* ‘застесняться’ (Суоярви, Корписельга), *prällittyä kielellä* ‘постоянно болтать’ — *brälättyä paissa* ‘(громко) разговаривать или болтать’ (Тунгуда), *ruavisko* ‘тощий’ — *ruaviško* ‘тощий’ (Сямозеро), *? vuolla* ‘нарезать’ — *vuolla* ‘нарезать’ (карелы-ливвики) [KKS]. Видимо, данный факт связан прежде всего с недостатками в сборе лексического материала на территории Беломорской Карелии. В то же время нельзя исключать, что общность лексики может быть следствием этноисторических процессов, происходивших на территории Беломорской Карелии в более ранний период истории.

Тихтозеро, Ухта, Вокнаволок), где она, видимо, является заимствованием из финского языка. В указанных говорах *aro* — это ‘луг на сыром месте; открытое травянистое болото; сырая ложбинка в бору; мелкий заросший травой залив в реке’, ср. также фин. *aro* ‘сырой покос на берегу озера или реки; топкая заболоченная ложбина; окно в болоте; трясина’. Рассматриваемый термин фиксируется в том числе в топонимии северной и западной зон Беломорской Карелии — ср., например, бор *Aron/kankaš* в д. Костоварака Олангской волости, которая находилась в 4 км от д. Боровская, откуда была родом часть поселенцев Колвицы.

Аналогичный ареал в лексике и топонимии имеет также географический термин *loma, lomo* ‘овраг, ложбина, (болотистая) низина между холмами; расщелина’, ср. ложбины *Šihmu/loma* (Оланга) и *Poikki/loma* (Кестеньга) — ущелье *Kivi/lomo* в окрестностях Колвицы.

Несколько шире в севернокарельских говорах бытует термин *kentti, kenttä* ‘лужайка или луг на ровном сухом месте; песчаное место на берегу реки, неплодородный участок земли’. В данном случае показательно, что этот географический термин опять-таки фиксируется в топонимии бывшей Олангской волости, откуда карелы переселялись в Колвицу, ср. угодья *Kentti* (Оланга), *Hi/kentti* (Костоварака) — дорога *Kentti(tie)* в Колвице.

Локальное бытование в говорах Беломорской Карелии имеет также лексема *hete* ‘родник’. В этом случае мы снова наблюдаем отмеченный параллелизм: ср. родник *Šuola/hete* (Костоварака) — родники *Anis's'an/hete, Koti/hete, Leontin/hete, Muarien/hete* в Колвице.

Несколько иной ареальной дистрибуцией характеризуется географический термин *tanner, tantere* ‘утоптанная ровная земля; сухая луговина; поле’. Он бытует на всей территории распространения карельского языка, но в топонимии востребован мало. Термин фиксируется только в названиях деревенских площадок для игр в населенных пунктах бывших Ребольской и Поросозерских волостей, ср. поляны *Bes'oda/tanner* < карел. *bes'(s)'oda* ‘посиделки, вечерка’ (Реболы) и *Kuri/tandere* < карел. *kuri* ‘кююкья (игра карельские городки)’ (Лубосалма). В Колвице площадка для игр деревенской молодежи также называется *Tantere*. Можно полагать, что традиция обустройства подобных мест отдыха молодежи существовала и на территории тех волостей, откуда были родом первопоселенцы Колвицы, хотя подтверждений этому мы сейчас не находим ни в исторических, ни в этнографических источниках.

Не связана с ландшафтной терминологией лексема *lato* ‘сарай; навес’, однако она также является примером того, как лексика родного говора могла быть востребована при наименовании географических объектов на новой территории проживания. Данное слово не зафиксировано ни в лексике, ни в топонимии бывшей Олангской волости, но в то же время бытует в говорах Кестеньги, Тихтозера, Вокнаволока и Ухты, включая топонимию. Можно, таким образом, полагать, что появление названия *Lato/niemi* в Колвице связано с переселением сюда выходцев

из тех волостей, где слово хорошо известно. Напомним, что среди жителей Колвицы были в том числе переселенцы из упомянутых говорных зон.

Подобной дифференцирующей силой обладают также некоторые модели более раннего периода. Например, уникальными для каждого отдельного региона нередко являются образные топонимы. Выше уже упоминался топоним *Rauta/veräjät*, или *Железные Ворота*. Топонимы этого типа имеют параллели на сопредельных с Кольским полуостровом карелоязычных и русских территориях современной Карелии. На основании ареала данной топонимической модели можно, в частности, делать некоторые выводы этноисторического характера, поскольку ее распространение позволяет проследить, откуда и по каким путям шло освоение окрестностей Колвицы и Кандалакши средневековыми карелами.

Данный метафорический тип наименования по значению и функции близок к географическому термину, так как используется в топонимии для номинации объектов определенного вида: узких скалистых порожистых мест на реках или мест, где дорога проходит между двумя скалами или каменистыми возвышенностями. К последнему типу относится, например, топоним *Железные Ворота*²³ в окрестностях Колвицы.

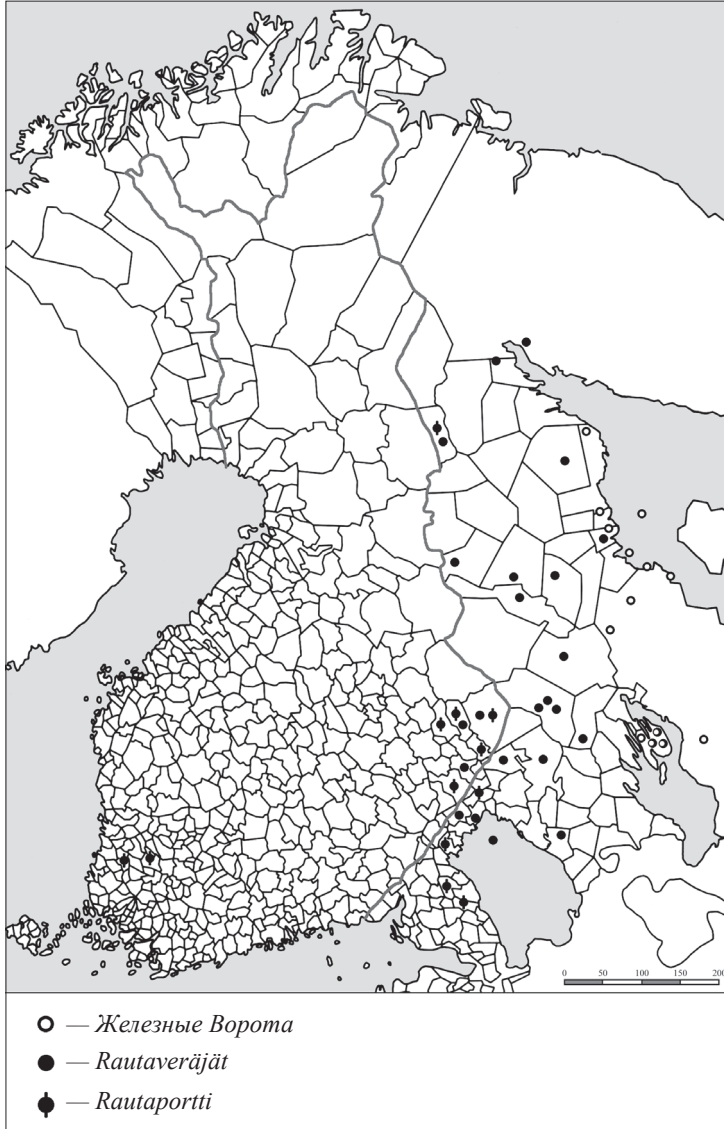
Как показывает картографирование данной модели, все образующие ее названия, зафиксированные в топонимии Карелии, включая Колвицу²⁴, являются продолжением единого ареала, который тянется вдоль путей средневековой карельской экспансии — от берегов Ладожского озера через Центральную Карелию (Сегозерье и Выгозерье) к Белому морю, в Беломорскую Карелию и далее на север (см. рис.). Пока не до конца понятно, являются ли русскоязычные названия *Железные Ворота* в Карелии кальками карельского метафорического типа *Rauta/veräjät* или же они представляют самостоятельную русскую модель, которая известна в том числе на русских территориях.

Мы склоняемся к первой версии, поскольку известно, что Выгозерье и все побережье Белого моря в пределах Карелии, включая Соловецкий архипелаг, все еще были в конце Средних веков карелоязычными территориями [см.: Кузьмин, 2016]. Таким образом, распространение модели отражает поэтапное освоение средневековыми карелами земель, расположенных к северу и северо-востоку от их прародины в Приладожье. Видимо, в результате освоения представителями «пяти родов карельских детей» южного побережья Кольского полуострова модель

²³ Вот как описывает местность *Rauta/veräjät* в окрестностях Колвицы один из наших информантов: «Это скалистое ущелье, местами с отвесными стенами, между возвышенностями Окатти (Окатыево) и Котитунтури, по которому проходила тропа. Недалеко от этого места мы собирали с родителями малину. Также в деревне была примета, что если Железные Ворота не скрыты в тумане, то дождя в этот день не будет» [КТ КарНЦ].

²⁴ Напомним, что Кандалакшский район вместе с Колвицей входил в состав Карельской Автономной Советской Социалистической Республики, а в мае 1938 г. был включен в состав Мурманской области.

Rauta/veräjät закрепилась и в топонимии Колвицы. Позднее, в период активного двуязычия, она, будучи этимологически прозрачной, переводилась на русский язык, а с приходом карелов в конце XIX в. по тем же причинам снова обрела карелоязычную форму.

Топонимы *Rauta/veräjät* — Железные Ворота на территории Приладожья и современной Карелии²⁵

²⁵ Картографирование выполнено на основе [КТ КарНЦ].

К дифференцирующим относятся также некоторые немногочисленные русские модели, фиксирующиеся в карелоязычной топонимии деревни. Одна из них представлена в названии небольшого залива — «загубины» *Liäkä* (вар. *Koti/lakši*, рус. *Ляга*), которое, на наш взгляд, существовало в топонимии окрестностей Колвицы еще до переселения сюда карелов. В местных русских поморских говорах лексема *ляга* бытует в значениях ‘наполненное водой углубление в земле; (крупная) лужа; низинное болотистое место со стоячей водой’. Эта семантика полностью подтверждается сведениями наших информантов: «*Liäkä* — это небольшой заливчик, который во время отлива превращается в лужу крупного размера, из которой вода никуда не уходит. Мы рядом с ней глину брали» [КТ КарНЦ]. Согласно данным русской диалектологии, появление лексемы *ляга* в говорах северо-западных регионов России принято связывать с освоением северных территорий выходцами с коренных новгородских земель [Чайкина, 1975, 149]. В то же время по причине небольших размеров географического объекта наименование *Ляга* вряд ли может являться в докарельской топонимии деревни очень старым.

С проницанием на север населения из новгородских земель принято связывать появление топонимов с суффиксом *-иха* — по крайней мере, результаты анализа материалов новгородских писцовых книг XV–XVI вв. свидетельствуют о значительной активности этого топонимического суффикса на фоне других [см.: Полковникова, 1970, 469–504]. На беломорском побережье зафиксировано более сотни топонимов на *-иха* [Кузьмин, 2007, 71–73]. В современной топонимии Колвицы отмечено три названия, образованных в рамках данной модели: зал. *Kločihä* (вар. *Kločihin'a*; рус. *Клочихино*), возв. *Lepetihä* (рус. *Лебедиха*) и берег *Kirroiha* < карел. *Kirro* — форма имени *Киприян* (рус. *Кипноиха*). Это говорит о том, что русскоязычное население некогда осваивало территории, которые ранее входили в сферу хозяйственной деятельности средневековых карелов, — ср. подобные названия на более южных территориях Беломорья: *Гупноиха* < *Нуорро* — *Фофан* (Кемь), *Кискиха* < *Kiiski* < *kiiski* ‘ерш’ (Сорока), *Коккоиха* < *Kokko* < *kokko* ‘орел’ (Черная Река), *Луннеиха* < *Lippi*, *Lippo* — *Филипп* (Сорока) и т. п.

Приведенные в данном разделе примеры свидетельствуют о том, что в топонимии этнодифференцирующей силой может обладать в том числе ландшафтная лексика, т. е. географическая терминология. Однако большая ее часть не имеет такой силы, поскольку фиксируется в составе универсальных моделей и известна на обширной карелоязычной территории.

Далее в контексте рассмотрения топонимического наследия Колвицы мы обратим внимание на некоторые особенности, связанные с бытованием ландшафтной терминологии, фиксируемой в лексике и топонимии деревни.

2. Географическая терминология

Совокупность местных географических терминов того или иного региона всегда представляет собой своеобразное описание его физико-географических особенностей. Недаром известный российский топонимист Э. М. Мурзаев в свое время писал, что любое топонимическое исследование должно начинаться со сбора и систематизации простых географических терминов [Мурзаев, 1974, 17].

В отличие от атрибутивных элементов сложных названий, в качестве которых нередко выступают лексемы, по тем или иным причинам отсутствующие в современных говорах или утратившие в процессе языкового развития ландшафтную семантику, детерминанты ориентированы главным образом на современные, «живые» географические апеллятивы. Тем самым они отражают реально существующие в природе разновидности ландшафта.

Сразу отметим, что природно-географическая среда в окрестностях Колвицы и других поселений на территории Республики Карелия во многом схожа, поэтому схожими были и принципы номинации. Этим, в свою очередь, определяется значительное единство типовых основ.

При этом, по нашим наблюдениям, в границах территории одного поселения количество используемой географической лексики всегда меньше, чем в говоре / языке в целом. Ее использование может быть ограничено, например, ландшафтом окрестностей поселения, в котором представлены не все физико-географические формы. В нашем случае к тому же мы имеем дело с уходящим пластом топонимии и отраженной в ней ландшафтной терминологии. Например, в конце 1990-х — начале 2000-х гг. в каждой «живой» карельской деревне нам удавалось записать от местного населения от 700 до 1 000 названий. Можно только предполагать, какое количество топонимов бытовало в округе тех же деревень раньше, в условиях живой промысловой культуры и развитого сельского хозяйства, — видимо, не менее полутора-двух тысяч. Кроме того, карельский язык в настоящее время стремительно выходит из употребления, деревни опустевают, объекты бывшего хозяйственного назначения часто уже не используются. В силу этих причин бытующая в современной топонимии Колвицы географическая лексика представлена, к сожалению, далеко не полно.

Кроме этого, выбор основного компонента или детерминанта сложного топонима определяется в том числе лексической системой говора, так как происходит из той приуроченной к ландшафту или хозяйственной деятельности географической лексики, которая функционирует в данном говоре. Учитывая это, в списке ниже представлены в порядке убывания частотности наиболее распространенные географические термины, выступающие в качестве основной части или детерминанта сложного названия в топонимии деревни Колвица.

Географические термины в топонимии д. Колвица

1. <i>lampi</i> 'небольшое озеро'	8. <i>termä</i> 'горка, холм'	15. <i>koški</i> 'порог'
2. <i>niemi</i> 'мыс'	9. <i>ranta</i> 'берег'	16. <i>kivi</i> 'камень'
3. <i>šuari</i> 'остров'	10. <i>joki</i> 'река'	17. <i>čokka</i> 'горка, холм'
4. <i>lakši</i> 'залив'	11. <i>nurmi</i> 'покос'	18. <i>kankaš</i> 'бор'
5. <i>oja</i> 'ручей'	12. <i>järvi</i> 'озеро'	19. <i>koivikko</i> 'березняк'
6. <i>pelto</i> 'поле'	13. <i>vuara</i> 'возвышенность'	20. <i>apaja</i> 'тоня'
7. <i>šuo</i> 'болото'	14. <i>tunturi</i> 'возвышенность'	21. <i>luoto</i> 'небольшой остров'

Всего в топонимии окрестностей Колвицы зафиксировано 66 географических терминов, что составляет приблизительно треть подобной лексики, бытующей в топонимии коренных территорий. При этом топонимическая востребованность лексем сильно разнится, и далеко не все из них могут претендовать на роль типовых, т. е. отличающихся большим числом комбинаций — соединений с разными атрибутивными элементами в составе сложного топонима. Так, первые десять терминов (см. список выше), или 15 % от общего числа зафиксированной ландшафтной лексики, выступают в 75 % топонимов деревни в качестве детерминантов. Кроме того, только первые 14 терминов имеют десять и более фиксаций, а 41 %, или 27 терминов, только один раз представлены в современной топонимии окрестностей деревни. С учетом 14 терминов, которые участвовали в образовании топонимов дважды, количество «раритетной» географической лексики возрастает до 62 %. Можно, однако, предполагать, что на ранних этапах существования поселения ситуация была несколько иной.

Таким образом, наши данные свидетельствуют о том, что степень продуктивности местных географических терминов, выступающих в роли детерминантов, различна: от одного случая фиксации до больших серий, включающих десятки топонимов. Наибольшее число комбинаций имеют детерминанты, выраженные родовыми терминами, которые отражают характер местности и физико-географические особенности обозначаемых объектов. Среди них отмечены преимущественно гидрографические термины (*-joki* 'река', *-järvi* 'озеро', *-šuo* 'болото'), а также орографические, обозначающие положительные и отрицательные формы рельефа (*-vuara*, *-tunturi* 'возвышенность', *-termä*, *-čokka* 'горка, холм', *-alanko* 'низина').

Особенно системны гидронимные детерминанты, выраженные лексемами, которые характеризуются общезыковым распространением и практически не имеют диалектных эквивалентов, ограничивающих их употребление. Это *lampi* 'небольшое озеро', *niemi* 'мыс', *šuari* 'остров', *lakši* 'залив', *oja* 'ручей', *ranta* 'берег', *joki* 'река', *järvi* 'озеро', *šuo* 'болото' (см. список выше). В случае с Колвицей существенно и обилие самих водных объектов, которые, благодаря их важному значению в жизни местного населения, были названы жителями не только прежде прочих объектов, но и почти целиком охвачены номинативным процессом (т. е. поименованы почти все).

Территории, населенные карелами, — это озерный край, поэтому неудивительно, что среди наиболее популярных детерминантов отмечаются *-lampi* ‘небольшое озеро’ и *-järvi* ‘озеро’. В окрестностях большинства карельских поселений обычно имеется несколько десятков различных по величине озер. Так, в топонимии Колвицы нами зафиксировано более 30 названий ламбин — небольших озер: *Hauki/lampi*, *Hirši/lampi* (*Šuuri* и *Pieni*), *Hirvi/lampi*, *Hukka/lampi*, *Joučen/lampi*, *Kaita/lampi*, *Kaivoš/lampi* (*Šuuri* и *Pieni*), *Kirilän/lampi*, *Klementein/lampi* (*Šuuri* и *Pieni*), *Koti/lampi*, *Kulmakka/lampi*, *Kuolien/lampi*, *Lehti/lampi*, *Lohi/lampi*, *Makrin/lampi*, *Mušta/lampi*, *Paha/lampi* (*Nekotnoi/lampi*), *Palo/lampi*, *Petra/lampi*, *Pitkä/lampi*, *Riihi/lampi* (*Ala*, *Keški* и *Yli*), *Riijon/lampi*, *Šalmi/lampi*, *Šuarva/lampi*, *Tiikši/lampi*, *Valkie/lampi*.

Береговая линия побережья Белого моря и большинства крупных озер, как правило, сильно изрезана. Кроме того, на Колвицком озере имеется несколько десятков небольших островов, каждый из которых в условиях развитой промышленной культуры обязательно имел название. Все это обеспечило значительную популярность в местной топонимии детерминантов *-niemi* ‘мыс’, *-šuari* ‘остров’, *-lakši* ‘залив’ и *-ranta* ‘берег’.

В пятерку самых востребованных детерминантов входит также лексема *-oja* ‘ручей’, а в десятку — еще и *-joki* ‘река’, что тоже объясняется ландшафтными особенностями края. Например, в Республике Карелия, к которой раньше относилась и Колвица, насчитывается более 12 000 рек, 98 % из них — небольшие, менее 10 км протяженностью [Мамонтова, Муллонен, 1991, 10]. Многие реки были важны в хозяйственной деятельности местного населения, поскольку именно по берегам рек и ручьев располагались естественные природные луга. Видимо, этим же объясняется присутствие детерминанта *-oja* ‘ручей’ в целом ряде сложных топонимов, зафиксированных в деревне.

Окрестности Колвицы представляют собой очень гористую местность, в пределах которой находится несколько достаточно крупных возвышенностей, входящих в горный массив Колвицкие тундры (саам. *Kolw/tundar*)²⁶. Несмотря на это, орографическая терминология представлена в современной топонимии Колвицы в незначительном количестве. К положительному рельефу местности привязаны главным образом географические названия с детерминантами *-termä*, *-vuara*, *-tunturi* и *-čokka*; терминология отрицательного рельефа представлена только лексемами *alanko* ‘низина’ (покосы *Mot'kan Alanko/mua* и *Muarien Alanko/mua*), *lomo* ‘овраг, ложбина’ (ущелье *Kivi/lomo*) и *hauta* ‘(крупная) яма; впадина; углубление’ (впадина *Lumi/hauta*). Как и на других карелоязычных территориях, низинный рельеф в окрестностях Колвицы, видимо, играл значительно меньшую роль в хозяйственной деятельности и в ориентации на местности, чем

²⁶ Ср. горы *Okat'i(vuara)* (539 м над уровнем моря), *Kotitunturit* (547 м и 439 м), *Kotivuara* (540 м), *Simčča(vuara)* (335 м), *Puõrievuara* (636 м) и др.

возвышенности. Однако и частотность детерминантов, обозначающих возвышенные участки местности, различна. В сравнении с топонимией Беломорской Карелии, где фиксируется около 20 орографических терминов, указывающих на положительный рельеф, в Колвице только *-termä*, *-vuara* и *-tunturi* могут претендовать на роль продуктивных детерминантов. Все остальные лексемы представлены единичными примерами, ср.: горка *Jäkälä/harju* < карел. *harju* ‘хребет (горы)’, зал. *Šärkkä/lakši* < карел. *šärkkä* ‘возвышенность вытянутой формы’, покос *Hotattal'an/rintien/nurmi* < карел. *rinne* (gen. *rintien*) ‘склон’ (вар. *Mitrofanovan-*), впадина *Tunturin/lakka* < карел. *lakka* ‘вершина возвышенности’. Можно полагать, что в тот период истории, когда Колвица была жизнеспособным крестьянским поселением, названий, в которых выступали приведенные выше ландшафтные термины, было несколько больше. По мере угасания деревни и сокращения используемых географических объектов они, как и топонимия в целом, стали выходить из употребления и забываться.

В процессе развития подсечного и пашенного земледелия у карелов, как известно, появилась довольно развитая земледельческая терминология, закрепившая в терминах фактически все этапы подготовки и создания будущего участка пашни или сенокоса, а также их особенности. Однако в названиях культурных объектов, т. е. географических объектов, возникших в результате хозяйственной деятельности, в современной топонимии Колвицы фиксируются только *pelto* ‘поле’, *nurmi* ‘покос’ и *mia* ‘участок земли; сельскохозяйственное угодье’. Нельзя исключать, что, как и в предыдущем случае, бытовавшая ранее система наименований сельскохозяйственных угодий к настоящему времени просто не сохранилась, в том числе из-за перехода в 1930-е гг. от ведения частного сельского хозяйства к колхозам, а также упразднения небольших единоличных сельскохозяйственных участков и объединения их в более крупные по площади земли сельскохозяйственного назначения. В то же время именно в названиях мелких частных угодий могла отражаться интересующая нас географическая лексика, представленная, например, в Беломорской Карелии, ср.: *aho* ‘поляна; бывшая подсека’, *huuhhta* ‘подсека’, *kaški* ‘подсека’, *kuokoš* ‘расчистка’, *kytö* ‘подсека на болотистом месте’, *luhta* ‘заливной луг’, *niitty* ‘покос, луг’, *palo* ‘росчисть под поле, где сожжен сваленный лес’, *palšta* ‘поле, надел’, *peroš* ‘расчистка’, *puušta* ‘запущенное поле; пустошь’, *raši* ‘подсека, оставшаяся неспаленной’, *šarka* ‘полоса поля’, *uutuuiš* ‘новина’ и др.

Остановимся кратко на факте наличия в топонимии Колвицы географических терминов русского происхождения. Они немногочисленны и, как нам представляется, могут относиться к разным временным срезам. Среди них, на наш взгляд, есть относительно старые заимствования, которые бытуют в том числе в Беломорской Карелии, а значит, могли существовать в карельском языке еще до переселения карелов в Колвицу, ср. *pl'ossa* ‘плес’ (*Šiika/pl'ossa*, *Vesimiärän/pl'ossa*), *patuna* ‘водопад’ (*Kala/patuna*, *Mušta/patuna*). Последнее из упомянутых названий

появилось в советский период, когда был сделан рыбоотвод для подъема семги на нерест. Разновременными могут быть и названия с детерминантом *-kupa* (< рус. *зуба* ‘залив’). Так, наименования крупных морских заливов *Kolvičan/kupa* и *Porja/kupa* являются явной адаптацией бытующих уже не одно столетие русскоязычных топонимов *Колвицкая губа* и *Порьягуба*. К этой же группе относится название небольшого залива *Liäkä* (вар. *Koti/lakši*), о котором говорилось выше. В то же время наименования небольших заливов Колвицкого озера *Tyhjä/kupa* (вар. *Tyhjä/lakši*, рус. *Пустая губа*) и *Kosja/kupa* (вар. *Kosso/lakši*, рус. *Козья губа*) могут быть достаточно поздними. Среди заимствований в географической лексике есть и совсем новые, например *saššeikka* < рус. *зашеек* ‘часть озера у истока или устья реки’ — ср. зал. *Saššeikka* (вар. *Niška*, рус. *Зашеек*), *plotina* (плотина *Plotina*) и *kartona* < рус. *кордон* ‘место поста лесной охраны’ — ср. горка *Kartona*. Русским по происхождению является также название современного поселка *Sel’onoiporu* (рус. *Зеленоборский*). В его составе фиксируется русский термин *бор* (карел. *poru*), который, однако, на апеллятивном уровне совсем не востребован. Заметим, что все вышеупомянутые термины представлены в русских говорах побережья Белого моря и, как можно полагать, были восприняты карелами в результате разновременных контактов с русским населением Беломорья.

Кроме сказанного, сохранению общей географической терминологии способствовали сходные климатические и хозяйственные условия, в которых жило население Колвицы и коренных территорий Беломорской Карелии. При этом на новой территории все же наблюдаются некоторые приоритеты в выборе географической терминологии, продиктованные функционированием самой топонимической системы, в которой на выборе детерминанта сказывается роль модели (например, *-termä* — *-čokka*, *-vuara* — *-tunturi*). При этом большая часть слов, классифицирующих природные объекты в окрестностях Колвицы, обнаруживается в списке наиболее распространенных детерминантов на территории Беломорской Карелии.

3. Топонимия Колвицы: настоящее и будущее

Что же произойдет с топонимией деревни Колвица в будущем? Приходится полагать, что, скорее всего, уже в ближайшее время количество используемых географических названий сократится здесь в несколько раз. Выше уже отмечалось, что одна из важных причин этого — постепенное угасание деревни. Население, которое проживает здесь постоянно, год от года сокращается: так в 2010 г. в деревне числилось всего девять человек. Большинство потомков основателей Колвицы проживает сейчас в городах Мурманской области, что обусловлено отсутствием рабочих мест в самой деревне. Наиболее активно Колвица живет в летний период, когда сюда съезжаются в отпуск ее бывшие жители и их потомки.

Другой причиной сокращения числа топонимов является изменение хозяйственного уклада жизни населения. Домашнего скота и оленей в деревне нет, пастбища и покосы запущены, сбор грибов и ягод производится только в ближайших окрестностях, рыболовство ограничивается выходом в море в непосредственной близости от деревни. Все это привело к тому, что сейчас местное население употребляет лишь малую долю тех названий, которые существовали в Колвице еще, например, в 1990-е гг., когда было живо старшее поколение, активно использовавшее в хозяйственных целях не только близкие, но и сравнительно отдаленные окрестности поселения.

Третьей причиной является выход из активного употребления карельского языка. Большинство микротопонимов деревни существовало именно на карельском языке и русских эквивалентов часто не имело. С постепенным уходом носителей карельского языка уходит в небытие и сама топонимия. Современное поколение, не владеющее или плохо владеющее карельским языком, карелоязычную топонимию усвоило очень ограниченно. Приведем в связи с этим некоторые примеры. В Колвицком озере есть зал. *Ant'uh(h)an/lakši*, на берегу которого раньше находилась рыбацкая изба *Ant'uh(h)an/pirtti*, а рядом — покос *Ant'uh(h)an/nurmet*. Нынешнее население чаще всего сообщает, что где-то в озере есть зал. *Арпюха* (вар. *Антюха*), но названий примыкающих к заливу промысловых и сельскохозяйственных угодий большая часть жителей 1950–1960-х годов рождения уже не помнит и, соответственно, не называет. Подобен этому пример ряда топонимов с атрибутивной частью *Tiikši-* (р. *Tiikši/joki*, болота *Tiikšin/suot*, зал. *Tiikši/lakši*, оз. *Tiikši/lampi*, пороги *Tiikšin/košket*), из которых в употреблении сейчас только первые два. Таким образом, из порядка 400 карелоязычных топонимов русские эквиваленты имеют только 110, т. е. вследствие указанных выше причин произошло сокращение количества некарельских названий практически в четыре раза. На самом деле процент используемых средним поколением русскоязычных названий еще ниже, поскольку указанные 110 топонимов записаны в том числе от современного карелоязычного населения старшего поколения, чья осведомленность о местной топонимии значительно лучше.

Ситуация с карелоязычной топонимией еще более грустная. Например, один из наших информантов (1949 г. р.), понимающий, но уже не говорящий на карельском, вспомнил в беседе о топонимии окрестностей Колвицы 48 названий, причем все они первоначально были приведены на русском языке. Только пять топонимов из 48 имели совпадающие с реальными карелоязычными названиями формы: возвышенности *Котитунтури* и *Окатти*, горка *Картона*, ложбина *Уконревиттямя* (букв. «Стариком²⁷ разорванное», рус. *Стариковская Рвань*) и оз. *Лехтилампи*.

²⁷ Ср. карел. *ukko* 'старик', 'гром'. В данном случае исходное значение — «Молнией разорванное», поскольку в это место когда-то ударила молния. Русский вариант является, таким образом, неточным переводом карелоязычного названия.

При дальнейшем уточнении возможных карелоязычных форм удалось выявить карельские варианты еще 12 топонимов. В данном случае количество карелоязычных топонимов практически в три раза меньше, чем русскоязычных. Нередка ситуация, когда местные жители 1950–1960-х годов рождения, включая мужчин, знают еще меньше названий, чем наш информант 1949 г. р., который приезжает в деревню только в летний период. В среднем поколение сегодняшних шестидесятилетних и младше использует не более 20 названий, хотя при уточняющих вопросах можно выявить еще 10–15 топонимов.

Из опрошенных нами жителей деревни самым «младшим» карелоязычным на время сборов являлся информант 1956 г. р., предки которого переселились в Колвицу из Кестеньги до революции. От него нам удалось записать более 50 карелоязычных названий. Как можно думать, на территории Мурманской области есть и другие еще говорящие на карельском языке выходцы из деревни того же возраста, однако за время сбора топонимии в 2017–2018 гг. встретиться с подобными людьми нам не удалось, и никто из информантов не упоминал о карелоговорящих родственниках или знакомых такого возраста. К сожалению, в 2021 г. наш информант 1956 г. р. скончался, т. е. теперь карелоязычную топонимию окрестностей Колвицы помнят / используют только жители деревни 1930-х и 1940-х годов рождения. Тем самым, просуществовав около 140 лет, она уже в нынешнем десятилетии уйдет в небытие.

Таким образом, можно констатировать, что топонимия деревни Колвица — как карелоязычная, так и русскоязычная — постепенно выходит из активного употребления. В памяти жителей остаются главным образом микротопонимы, бытующие непосредственно вблизи деревни, а также названия достаточно крупных географических объектов, часть которых вошла в карелоязычную топонимию из русской в конце XIX — начале XX в. При этом, как нам представляется, из русского употребления они никогда по-настоящему не выходили, в том числе по причинам двуязычия местного населения и близкого соседства русскоязычных поселений: Кандалакши с запада и Порьягубы с востока. Сейчас многие из таких названий снова бытуют в той форме, в которой они употреблялись в русской среде до прихода карелов. Можно также полагать, что часть карелоязычных названий продолжит существовать в будущем, поскольку они попали на карты: о-в *Мустасуари*, руч. *Каткоручей*, озера *Берёзовая ламба*, *Кандозеро*, *Салмо-ламбина*, *Шаркиламбина*, *Хиржиламбина*, *Чёрная ламбина* и ряд других. В то же время неясно, насколько активно они востребованы и будут ли использоваться в дальнейшем, поскольку некоторые из них, к сожалению, представлены преимущественно на крупномасштабных картах, которых нет в свободном доступе.

В рамках данной статьи остановимся кратко на общем вопросе сохранности прибалтийско-финского (дорусского, нерусского) топонимического наследия на обрусеваяющих или обрусевших территориях. Современное состояние топонимии Колвицы не позволяет дать однозначный прогноз того, что и в какой

форме сохранится от карелоязычных топонимов после того, как местное население, преимущественно уже дачное, перестанет понимать по-карельски. На данный момент полукальки, такие как *Ароболото* (карел. *Aro/šuo*), *Узкая ламбина* (карел. *Kaita/lampi*), *Хангасгуба* (карел. *Hankaš/lakši*), достаточно многочисленны в речи жителей деревни. Однако уже сейчас заметно, что многие названия полностью переводятся местным населением на русский язык. Например, наименования болот в речи нашего информанта 1949 г. р. часто выступают в полностью переводных формах, реже — в виде полукалек: *Антоново болото* (карел. *Onton/šuo*), *Выдроболото* (карел. *Šuarva/šuo*), *Кириллово болото* (карел. *Kirilän/šuo*), *Клементьево болото* (карел. *Klementein/šuo*), *Тикшинские болота* (карел. *Tiikšin/šuo*). Это относится и к названиям других географических объектов: р. *Белая речка* (карел. *Valkiel/joki*), о-в *Берёзовый остров* (карел. *Koivu/šuari*), оз. *Бревноламбина* (карел. *Hirši/lampi*), руч. *Глубокий ручей* (карел. *Šyvä/oja*), возв. *Домашняя гора* (карел. *Koti/vuara*), мель *Золотая корга* (карел. *Kulta/korko*), камень *Синий камень* (карел. *Šini/kivi*), зал. *Широкая губа* (карел. *Levie/lakši*) и др. Не исключено, что в ситуации перехода с карельского языка на русский и активного двуязычия, а также вследствие относительно недавнего возникновения топонимии деревни многие «прозрачные» карелоязычные названия стали бытовать параллельно на русском и карельском языках, не теряя при этом своей адресной функции. Другими словами, сложилась двуязычная система использования одних и тех же топонимов. В то время как старшее, преимущественно моноязычное, поколение именovalo местные объекты на карельском языке, у более молодого двуязычного поколения названия тех же географических объектов выступали в виде адаптированных русским языком простых²⁸ карелоязычных названий, полукалек или вообще полных переводов.

По-иному происходила смена языка и «русификация» топонимии в более ранний период. В окрестностях многих деревень и сел побережья Белого моря осталось значительное количество нерусских названий, которые не переведены полностью. Чаще всего они представлены полукальками с дорусским первым (атрибутивным) и переведенным вторым (основным) компонентом, который обычно выражен географическим термином. Примером могут служить топонимы бывшей карельской деревни Вялозеро²⁹, располагавшейся, как и д. Колвица, на Кольском полуострове

²⁸ Ср.: мысок *Немлюшка* (карел. *Niemi, Niemel'uška* < *Niemellä*, букв. «На мысу»), зал. *Лахушка* (карел. *Lato/lakši*) < *lahukka* 'небольшой залив'.

²⁹ *Вялозеро* (карел. *Viell'ärvi*) — небольшая карельская деревня, существовавшая на Кольском полуострове еще во второй половине XX в. и прекратившая свое существование, как и множество других небольших населенных пунктов СССР, в связи с ликвидацией «неперспективных» деревень в конце 1950-х — начале 1960-х гг. Самым ранним документом, в котором упоминается эта деревня, является «сотная грамота» письма дьяка Василия Агалина 1574/75 г. — в то время это была карело-саамская волостка *Вяло-озеро*; в 1584/85 г. в ней упоминаются *Микитка Корелянин*, *Сенка Хавка* (< **Naukka* 'ястреб'), *Барма Лопин*, *Тимошка Лопин* и др. [СГКЭ, 275–276]. Видимо, поселение оставалось карело-саамской волосткой еще в первой половине XVII в., поскольку

(к северу от с. Умба), ср.: озера *Вялозеро, Ильмозеро, Индельозеро, Кукончозеро, Пасмозеро, Хиролаббина*; пролив *Войносалма*, возвышенности *Коргасельга, Куроварака, Пайгорка, Паловарака*; реки *Кузрека, Панарека*; руч. *Одерручей*; заливы *Ламберушки, Лопаканда, Неркогуба, Оччигуба, Райгуба*; мысы *Койбенник, Маккорга, Мусикнаволок*; острова *Куростров, Палостров* и др. [КТ КарНЦ]. Подобные названия, в составе которых фиксируется дорусский компонент, составляют здесь 61 % от всех зафиксированных топонимов (94 топонима из 153).

Намного меньше этот процент в топонимии тех населенных пунктов, где смена языка произошла достаточно давно, однако и там названий нерусского происхождения достаточно много. Например, в топонимии соседнего с Вялозером современного русского села Умба они составляют порядка 23 %: берег *Хирмукин берег*; мысы *Киберинский наволок, Лёвнаволок, Лёхнаволок, Турийнаволок, Шомбач, Ялкоргский наволок*; пороги *Варгозерский порог, Паелга (Паялга)*; острова *Волийостров, Пильские луды, Усельский остров, Хедостров*; озера *Выпчьозеро (Выпсьозеро), Каленгозеро, Канозеро, Лёндозеро, Мяндовое озеро, Пончозеро, Тарбозеро, Таргозеро, Уккозеро, Шогуйозеро, Шомбозеро*; возвышенности *Вялгора, Паяльская варака*; тони *Великие Юрики, Ёкаканда, Ёлокорга, Ильменево, Кидерицы, Котаранская, Лутка, Пахта, Пульцы, Ройма, Тетрино, Чукчекорга*; заливы *Будрачгуба, Войдова губа, Ёканьская губа, Каржгуба, Панногуба (Падангуба), Пергуба, Пирьгуба, Порь(я)губа, Ридолакша, Роймагубка, Хендолакша (Хендалокша)*; ур. *Лембола*; бол. *Кайковский мох*; ручьи *Кушручей, Ругоручей, Уккоручей, Ханручей, Х(ь)ямручей*; реки *Ингарека, Мунарека, Низьмаречка, Таргаречка, Умбарека*; покос *Хирмуки* и др. [КТ КарНЦ].

Казалось бы, во всех трех случаях (Колвица, Вялозеро, Умба) переход на русский язык происходил естественным путем, через этап двуязычия. Однако в Колвице, где процесс обрусения еще не завершился, названий нерусского происхождения в итоге оказывается меньше, чем в Вялозере, которое обрусело топонимически в первой половине XX в., и меньше, чем в Умбе, где некая форма прибалтийско-финского языка, близкого к карельскому, «растворилась» в русском, видимо, в течение XVIII в.

Этому есть, как нам представляется, свои причины. Во-первых, карелами Колвицы осваивались территории, которые относительно недавно были русскими. Карелоязычная топонимия здешних мест достаточно поздняя и этимологически прозрачная; ее активное формирование началось только в самом конце XIX в. При

в приходской книге умбского промысла за 1624 г. упоминаются вялозерский *лопин Данила* [Никонов, 2013, 63], а также *Гришка Лопин* и *Куланко Бармин* (сын *Бармы Лопина*) [ПКДУ, л. 446 об.-447]. В более позднее время саамское население карелизировалось, и вплоть до начала XX в. Вялозеро было карелоязычным поселением [см.: Virtaranta, 1988, 117–126], после чего стало постепенно обрусевать. Однако еще в 1962 г. сотрудниками ИЯЛИ КарНЦ от местных женщин была записана свадебная песня на карельском языке. В то же время наши информанты 1940 и 1943 г. р. карельского языка в деревне уже не слышали и сами на нем не говорят.

этом, как отмечалось выше, на начальном этапе в карельскую топонимию были инкорпорированы русскоязычные названия, которые продолжали бытовать параллельно с их новыми карелоязычными вариантами. При смене же языка на русский первыми стали выходить из употребления именно карельские топонимы. Возможно, в процессе незакончившейся карелизации территории и начавшемся процессе обрусения система параллельно бытующих на двух языках названий «неосознанно» породила новую адаптационную модель, что на практике вылилось в перевод даже тех названий, у которых первоначально не было русскоязычных эквивалентов.

Во-вторых, этот процесс мог поддерживаться большим количеством отантропонимных названий. Известно, что все карелы имели официальные русские имена, отчества и фамилии, которые в деревенской среде подвергались адаптации согласно нормам и правилам карельского языка (ср.: *Антоний* — *Ontto*, *Татьяна* — *Tat't'ana*; *Иван Филиппович* — *Hilipän Iivana*, *Дарья Лунновна* — *Luron Tuarje* и т. п.). Другими словами, зная, например, что в сферу хозяйственных интересов Кирилла Артемьева входило болото *Kirilän/suo*, обрусеваящие карелы могли легко преобразовать это название в *Кирилловское болото*. Кроме того, обрусеваящему населению была понятна и географическая лексика, которая задействовалась в процессе называния географических объектов на новой территории, — тем самым и она легко могла быть переведена с карельского языка на русский (ср.: *Onton/niemi* — *Антонов наволок*, *Valkie/koški* — *Белый порог*).

В-третьих, видимо, смена хозяйственной деятельности жителей Колвицы (точнее, ее прекращение) также сыграла в этом процессе немаловажную роль, поскольку большая часть топонимов-полукалек фиксируется в настоящее время в отдалении от деревни, тогда как в непосредственной близости от нее чаще представлены полные кальки.

Все эти факторы, на наш взгляд, повлияли на то, что в современной русскоязычной топонимии окрестностей Колвицы фиксируется намного меньше топонимов с нерусскими элементами (в частности, полукалек), чем в тех местах, где процесс обрусения проходил в более ранний период при сохранении традиционной хозяйственной деятельности местного населения.

Заключение

Таким образом, представленная территория с ее географическими названиями является хорошим «полигоном» для анализа взаимодействия различных культурных и языковых начал, слияние которых привело к формированию здесь карельского населения и карелоязычной топонимии.

В случае с Колвицей мы имеем дело с уникальной ситуацией, когда в первой половине XX в. на территории Европейской части России на основе записанного ономастического материала можно «вживую» наблюдать смену русскоязычной

топонимии иноязычной. Подобное, по всей видимости, последний раз случилось в XVII в., в связи с массовой миграцией карелов из Приладожья на земли современных Новгородской, Тверской и ряда других областей. Эта ситуация интересна в том числе и тем, что через 50 лет после освоения карелами окрестностей Колвицы эта территория вновь стала постепенно обрусевать. Тем самым рассматриваемый топонимический материал позволяет нам не реконструировать процесс смены языка и топонимии с русского на карельский, а затем снова на русский, а видеть этот процесс наглядно.

Источники

- Александров Г., Александрова Л., Горяшко А.* Путешествие в Колвицу / под ред. А. Горяшко. СПб. : ЛД-ПРИНТ, 2014.
- Визе В. Ю.* Из путевых заметок по р. Умбе // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1912. № 16. С. 739–747.
- ДР, 1910 — Духовная роспись по Кандалакшскому приходу 3-го Кемского благочиния на 1910 год // ГААО. Ф. 29. Оп. 29. Д. 615.
- КБЧ — Книга Большому чертежу, или Древняя карта Российского государства, поновленная в разряде и списанная в книгу 1627 года. СПб. : Тип. Имп. Росс. Акад., 1838. URL: https://archive.org/details/libgen_00713676/page/n195 (дата обращения: 23.11.2021).
- КТ КарНЦ — научная картотека географических названий Карелии и сопредельных областей (Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН, Петрозаводск).
- Ломоносов М. В.* Служебные документы. 1742–1765 годов // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Т. 9. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1955. С. 218–220.
- Никольский В. В.* Быт и промыслы населения западного побережья Белого моря (Сороки — Кандалакша): по материалам исследования летом 1921 г. // Труды Института по изучению Севера. Вып. 36. М. : Изд. науч.-тех. управл. ВСНХ, 1927.
- Никонов С. А., Пушкина Л. В.* Кандалакшский монастырь в XVI–XVIII вв.: исследования и материалы. Ч. 2 : Вкладная книга Кандалакшского Пречистенского монастыря 1562/63–1687 гг. Мурманск : Мурманск. гос. гум. ун-т, 2013.
- ПКДУ — Переписные книги Двинского уезда. Кн. 11, подлинник со скрепой подъячих Б. Степанова и А. Подольского. 1621–1624 гг. // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 1.
- СГКЭ — Сборник грамот коллегии экономии. Т. 2 / ред. А. И. Андреев. Л. : Изд-во АН СССР, 1929.
- СКНГТ — *Кузьмин Д. В.* Словарь карельской народной географической терминологии. Петрозаводск : Периодика, 2020.
- СНМ, 1928 — Список населенных мест Карельской АССР. Петрозаводск : Изд-во стат. управл., 1928.
- СНМ, 1935 — Список населенных мест (по материалам переписи населения 1933 года). Петрозаводск : Изд. УНХУ АКССР, 1935.
- СНМАГ, 1907 — Список населенных мест Архангельской губернии к 1905 году / сост. Н. А. Голубцов. Архангельск : Изд. Арханг. губ. стат. комитета, 1907.
- СНМАГ, 1918 — Список населенных мест Архангельской губернии. Архангельск : Типо-лит. С. М. Павлова, 1918.
- СНМАГ, 1922 — Список населенных мест Архангельской губернии на 1 мая 1922 года / сост. А. Н. Дьячков. Архангельск : Тип. Архгубсоюз кооперативов, 1922.
- Харузин Н. Н.* Русские лопари. Очерки прошлого и современного быта. М. : Тов. Скоропечатни Левенсон А. А., 1890.
- ККС — Karjalan kielen sanakirja. O. 1–6 / toim. P. Virtaranta, R. Koponen, M. Torikka, L. Joki. Helsinki : Suomalais-Ugrilainen Seura, 1968–2005. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae XVI).

Neahttdigisánit — The Northern Sami — Finnish — Northern Sami Dictionaries of Neahttdigisánit.
URL: <https://saan.oahpa.no> (date of access: 22.11.2021).

Исследования

- Захарова Е. В., Кузьмин Д. В., Муллонен И. И., Шибанова Н. Л. Топонимические модели Карелии в пространственно-временном контексте. М. : Языки славянской культуры, 2018.
- Кузьмин Д. В. Истоки форманта *-šina* в карельской топонимии // Прибалтийско-финское языкознание : сб. ст., посвящ. 80-летию Г. М. Керта / науч. ред. Н. Г. Зайцева, И. И. Муллонен, Ю. Э. Коппалева. Петрозаводск : ИЯЛИ КарНЦ РАН, 2003. С. 63–68.
- Кузьмин Д. В. К проблеме формирования населения западного побережья Белого моря (по данным топонимии) // Финно-угорская топонимия в ареальном аспекте / сост. И. И. Муллонен. Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2007. С. 20–89.
- Кузьмин Д. В. История освоения карельского поморья (в свете языковых данных) // *Linguistica Uralica*. 2016. No. 3. P. 179–194.
- Мамонтова Н. Н., Муллонен И. И. Прибалтийско-финская географическая лексика Карелии. Петрозаводск : КарНЦ РАН, 1991.
- Мурзаев Э. М. Очерки топонимики. М. : Мысль, 1974.
- Никонов С. А. Волость Умба в XVI — первой четверти XVII века // IX Ушаковские чтения : сб. науч. ст. / науч. ред. П. В. Федоров. Мурманск : МГГУ, 2013. С. 54–71.
- Полковникова С. А. Географические названия новгородских писцовых книг XV–XVI веков: однокоренные названия с разными суффиксами // Ученые записки Московского государственного педагогического института. 1970. № 353. С. 469–504.
- Чайкина Ю. И. Вопросы истории лексики Белозерья // Очерки по лексике севернорусских говоров / ред. Н. А. Мещерский. Вологда : Вологод. гос. пед. ин-т, 1975. С. 3–187.
- KKLS — Koltan- ja kuolanlapin sanakirja. Wörterbuch des Kolta- und Kolalappischen. O. 2 / toim. T. I. Itkonen. Helsinki : Suomalais-Ugrilainen Seura, 2011.
- Kortesalmi J. J. Pohjois-Vienan poronhoito. Talonpoikien poronhoidonalue, ominaislaatu, ikä, alkuperä ja kehityslinjat vuoteen 1922. Helsinki : Vammalan Kirjapaino OY, 1996. (Kansantieteellinen arkisto ; 41).
- Virtaranta P. Europaeus Kuolan niemimaan karjalaiskylässä // D. E. D. Europaeus: suurmies vai kummajainen / toim. M. Kuusi, P. Laaksonen, S. Timonen. Helsinki : Suomalaisen kirjallisuuden seura, 1988. S. 117–126.

Рукопись поступила в редакцию 31.12.2021

СОКРАЩЕНИЯ

В названиях языков и диалектов

приб.-фин.	прибалтийско-финский
саам.	саамский

Прочие

вар.	вариант
gen.	genitivus
pl.	pluralis

* * *

Кузьмин Денис Викторович

кандидат филологических наук, PhD,
старший научный сотрудник сектора
языкознания
Институт языка, литературы и истории
КарНЦ РАН
185035, Петрозаводск, ул. Пушкинская, 11
E-mail: kusmiccu@hotmail.com

Kuzmin, Denis Viktorovich

PhD, Senior Research Fellow
Department of Linguistics
Institute of Language, Literature and History,
Karelian Research Centre of the RAS
11, Pushkinskaya Str., 185035 Petrozavodsk,
Russia
Email: kusmiccu@hotmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-6717-4214>

Denis V. Kuzmin

Institute of Language, Literature and History,
Karelian Research Centre of the RAS
Petrozavodsk, Russia

HISTORICAL AND CULTURAL VALUE OF PLACE NAMES OF THE KARELIAN VILLAGE KOLVITSA ON THE KOLA PENINSULA

The article deals with the toponymy of the Karelian village of Kolvitsa on the Kola Peninsula which territorially belonged to Karelia until May 1938 and then became a part of the Murmansk region. The study is based on historical documents and present-day data obtained in the course of the author's fieldwork in Kolvitsa in the summer of 2017 and 2018. It focuses on drawing correlations between the known historical facts about Kolvitsa with toponymic data which validates and expands the amount of historical evidence, making it possible to reconstruct many features of the life of the village in the past. The analysis begins with a number of Russian toponyms that existed even before Kolvitsa was reclaimed by Karelians (*Kandalaksha, Kolvitskaya Bay, Poryaguba*, etc.). Most of these names are of Sami origin and, as shown by the author, have undergone several stages of adaptation including the transition from Sami to Russian, then from Russian to Karelian and then in many cases from Karelian back to Russian, due to the Russification of the village population in the middle of the 20th century. Further, the Karelian layer of toponymy is considered in detail, which been preserved quite well. The author pays particular attention to a large group of names with stems indicating a person: derived from personal names (*Annin/oja* 'Anna's Stream,' *Kusmal'an/talo* 'Kuzma's House', etc.), ethnic names (*Lapin/niemi* 'Lopar Cape', *Ryssän/niemi* 'Russian Cape'), and some appellatives. Another focus of the study is constituted by the geographical terms in the toponymy of the village. Their analysis, aimed at historical reconstruction, allows us to assert that the Karelian population of Kolvitsa was made of immigrants from the Olangsky volost and from the former residents of Voknavolok, Kestenga, Tikhtozero, Ukhta.

Key words: Kola Peninsula; the village of Kolvitsa; personal names; place names; geographical terminology; Karelian language; Russian language

Acknowledgements

The publication was prepared as part of the State assignment of the Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences (Institute of Language, Literature and History).

- Chaykina, Yu. I. (1975). Voprosy istorii leksiki Belozer'ia [Issues in the History of the Belozerye Vocabulary]. In N. A. Meshchersky (Ed.), *Ocherki po leksike severnorusskikh govorov* [Essays on the Vocabulary of Northern Russian Dialects] (pp. 3–187). Vologda: Vologda State Pedagogical University.
- Itkonen, T. I. (Ed.). (2011). *Koltan- ja kuolanlapin sanakirja. Wörterbuch des Kolta- und Kolalappischen* (Vol. 2). Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura.
- Kortesalmi, J. J. (1996). *Pohjois-Vienan poronhoito. Talonpoikien poronhoidonalue, ominaislaatu, ikä, alkuperä ja kehityslinjat vuoteen 1922*. Helsinki: Vammalan Kirjapaino OY.
- Kuzmin, D. V. (2003). Istoki formanta *-šina* v karel'skoi toponimii [The Origin of the Formant *-šina* in Karelian Toponymy]. In N. G. Zaitseva, I. I. Mullonen, & Yu. E. Koppaleva (Eds.), *Pribaltiisko-finskoe iazykoznanie: sb. st., posviashch. 80-letiiu G. M. Kerta* [Balto-Fennic Linguistics: Collected Papers to the 80th Anniversary of Georgy Kert] (pp. 63–68). Petrozavodsk: IIALI KarNTs RAN.
- Kuzmin, D. V. (2007). K probleme formirovaniia naseleniia zapadnogo poberezh'ia Belogo moria (po dannym toponimii) [On the Formation of the Population of the Western Coast of the White Sea (Based on Toponymy)]. In I. I. Mullonen (Ed.), *Finno-ugorskaia toponimiia v areal'nom aspekte* [Finno-Ugric Toponymy in the Areal Aspect] (pp. 20–89). Petrozavodsk: KarNTs RAN.
- Kuzmin, D. V. (2016). Istoriia osvoeniia karel'skogo pomor'ia (v svete iazykovykh dannykh) [The History of the Development of the Karelian Coast (in the Light of Linguistic Data)]. *Linguistica Uralica*, 3, 179–194.
- Mamontova, N. N., & Mullonen, I. I. (1991). *Pribaltiisko-finskaia geograficheskaia leksika Karelii* [Balto-Fennic Geographical Vocabulary of Karelia]. Petrozavodsk: KarNTs RAN.
- Murzaev, E. M. (1974). *Ocherki toponimiki* [Essays in Toponymy]. Moscow: Mysl'.
- Nikonov, S. A. (2013). Volost' Umba v XVI — pervoi chetverti XVII veka [The Umba Volost in the 16th — Early 17th Century]. In P. V. Fedorov (Ed.), *IX Ushakovskie chteniia: sb. nauch. st.* [Ushakov Readings 9. Collected Papers] (pp. 54–71). Murmansk: MGGU.
- Polkovnikova, S. A. (1970). Geograficheskie nazvaniia novgorodskikh pistsovykh knig XV–XVI vekov: odnokorennnye nazvaniia s raznymi suffiksami [Geographical Names of Novgorod Cadastres of the 15th–16th Centuries: Same-root Names with Different Suffixes]. *Uchenye zapiski Moskovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta*, 353, 469–504.
- Virtaranta, P. (1988). Europaeus Kuolan niemimaan karjalaiskylässä. In M. Kuusi, P. Laaksonen, & S. Timonen (Eds.), *D. E. D. Europaeus: suurmies vai kummajainen* (pp. 117–126). Helsinki: Suomalaisen kirjallisuuden seura.
- Zakharova, E. V., Kuzmin, D. V., Mullonen, I. I., & Shibanova, N. L. (2018). *Toponimicheskie modeli Karelii v prostranstvenno-vremennom kontekste* [Toponymic Patterns of Karelia in Spatio-temporal Context]. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury.

Received on 31 December 2021